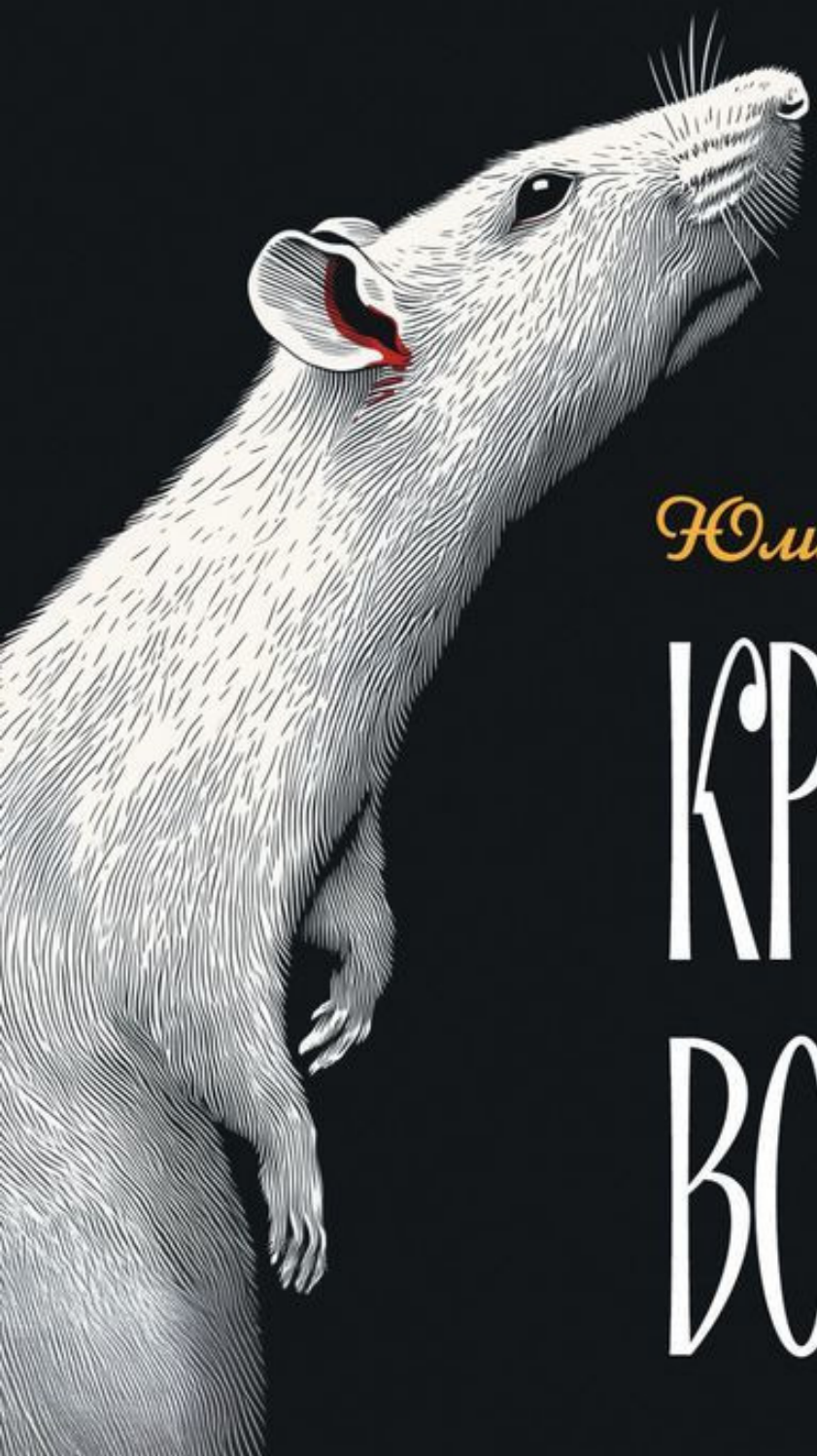
18+

Кровопускание человечеству – необходимость или неизбежность?

Юлианна Странберг

КРЫСИНАЯ ВОЗНЯ

Юлианна Страндберг

Крысиная возня. Дистопия. Роман-притча

«Издательские решения»

Страндберг Ю.

Крысиная возня. Дистопия. Роман-притча / Ю. Страндберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-672426-6

Роман «Крысиная возня» — это дистопия, или, скорее, роман-притча. Произведение создано на основе анализа информации, впитанной из мира существующего и перенесена в мир вымышленный. Однако большинство из нас может представить только то, что уже реально существует в этом мире, а то, что сложно представить, отмечается как несущественная погрешность. Так и живем с закрытыми глазами, в полной уверенности, что видим то, чего нет, и, конечно, игнорируем то, что действительно происходит и существует.

ISBN 978-5-00-672426-6

© Страндберг Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Пролог	9
Глава 1.	11
Глава 2.	18
Глава 3.	24
Глава 4.	31
Глава 5.	38
Глава 6.	45
Глава 7.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Крысиная возня
Дистопия. Роман-притча

Юлианна Страндберг

Корректор Сергей Барханов
Дизайнер обложки Юлианна Страндберг

© Юлианна Страндберг, 2025
© Юлианна Страндберг, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-2426-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#
#
#
#
#
#
#

#
#
#
#
#
#
#
Кровопускание человечеству —
необходимость или неизбежность?

#
#
#
#
#
#
#
#
#

#
#
#
#
#
#

#
#
#
#
#
#
#
#

ДИСКЛЕЙМЕР

Все нижесказанное является выдумкой автора.
Любые совпадения с реальными событиями
или людьми считать случайными.

От автора

Дорогой читатель, большое спасибо за то, что собираетесь прочитать эту книгу. Тем самым вы оказываете мне большую честь и предоставляете мне возможность поделиться своими мыслями о мироустройстве как системе и Вселенной как источнике жизни. Той самой жизни, которую мы как бы знаем. А знаем ли? Или просто воспринимаем как аксиому? И действительно ли здесь нет никакой другой жизни? По большей части никто из нас даже не задумывается над такими вопросами, потому что они неудобны.

Ответов в книге нет, есть только размышления. Ведь большая часть познаний о мироустройстве Вселенной – это гипотезы, широко известные в узких кругах, принятые на веру и закрепленные как точки опоры. И можно верить. Можно отрицать абсолютно все. Но вне зависимости от того, верим ли мы в это, воспринимаем как аксиому или полностью отвергаем, мы не можем избежать своего собственного существования в этой системе. Это невозможно.

Столкновение с системой неизбежно.

Да, хотелось бы знать, кто нас разводит, кто нас воспитывает и ради чего. Но, видимо, даже при всей очевидности ответа – ответа этого мы не получим, потому что этот самый ответ должен вписываться в религиозно-научно-концептуальный шаблон, существующий как непреложная истина в мире. Эта костная парадигма, с одной стороны, есть ось вращения человечества и основа сохранения его как подвида, а с другой стороны, та же самая парадигма является причиной уничтожения выращенного человечества. При столкновении двух абсолютно одинаковых сил, обернутых в разные фантики, происходит то, что и должно происходить, – борьба.

Если же задаться вопросом, а за что же, собственно, идет борьба, то с огромной вероятностью никто из оппонентов не сможет ясно и четко выразить суть проблемы. При нехитром разборе полетов все будет сводиться к тому, что «а он (они) первый начал». И это всё. Никто никогда не задумывался и не задумывается о происходящем как о звене в длинной событийной цепочке. Никто не видит ни предпосылок, ни возможных последствий, ни причинно-следственных связей. Никто не хочет брать ответственность на себя. Каждый искренне желает переложить эту самую ответственность на соседа. Того соседа, что за забором варит борщ, жарит шашлык, печет яблочный пирог – нужное подчеркнуть. И главное – не думать.

Дорогой читатель, я бы очень хотела, чтобы прочтение этой книги разбудило воображение и способность окинуть как бы несвязанные друг с другом события одним взглядом. Хотела бы, чтобы крамольная мысль «а я зачем здесь?» посетила бы мысли и прозвенела, как звонок будильника в понедельник после веселой вечеринки. Вчера все еще было прекрасно и понятно, а главное – хмельно и весело, а сегодня все представляется странным, неясным и тревожным. И совсем непонятно, куда идти и что делать. Хотя вполне возможно, что никуда идти не надо – идти просто некуда, а вся работа, которая должна была бы возникнуть в человеке, – это формирование и переформатирование самого себя.

Ничего больше.

Парадигма мира существующего неизменна. Как сказал Макс Фрай: «Все самое страшное с нами уже случилось. Мы пришли сюда умирать. Приговор настолько окончателен и настолько не подлежит обжалованию, что в ожидании его можно позволить себе вести себя как хочется, а не как заставляют». И здесь главное – не перепутать свободу действия, свободу мыслей, свободу вероисповедания с вседозволенностью и безнаказанностью. Только и всего-то.

Приятного прочтения. И не торопитесь. Не пытайтесь проглотить всю книгу сразу. Мысль зашита в строках и между строк, в событиях, в логических размышлениях и чувствах. Фабула книги проста и незатейлива, но на нее, как на спицу, нанизаны разношерстные идеи о мироустройстве. И так, со спицы на спицу, петля за петлей, связалось полотно моего вымышленного мира, так похожего на наш мир.

Спасибо большое.

Пролог

«Война – это мир. Свобода – это рабство.
Незнание – это сила».
Джордж Оруэлл, «1984»

Искусственный мир, так похожий на настоящий, жил по тем же законам и принципам, что и тот, что существовал когда-то в действительности. На одной стороне Земли был Восточный континент, на другой стороне Земли был Западный континент. На обоих континентах существовало по одной сверхдержаве со свитой мелких стран, которые играли роль рыбок-прилипал и хора подпевал.

На Восточном континенте были Советы, на Западном – Штаты, и эти две державы время от времени, для поддержания формы внутреннего устройства, конфликтовали. Они противостояли друг другу. Они воевали, не всегда в открытую, не всегда честно, не всегда законными способами, не всегда этичными методами, зачастую как получится, но яростно и искренне. И тут уж так: кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Штаты любили дразнить соседа, выставляя напоказ то голый зад, то руки в кандалах, то тыковку, то маковку, то еще какую ерунду, которой можно было бы пораздражать соседа. На что Советы отвечали флегматичным закатыванием глаз и легким пощелкиваем пальцев то по носу, то по лбу, то по подбородку, а то и по частям нежным и филейным. Отчего Штаты начинали голосить, что их обидели, их унизили, их гордость растоптали, а достоинство варварски попрали, на них зверски напали и они вынуждены защищаться. Никто особо не верил, но и противостоять тоже никто не пробовал.

Когда же Советы отвечали строго зеркально, но без предварительной огласки своих намерений, вой поднимался по всей Земле такой, что слышали даже те, кому не было никакого дела до того, чем там опять державы тешатся. Собственно, никому не было дела до того, как и чем державы развлекаются. Что бы ни делали, лишь бы к остальным со своими уставами не лезли, хотя и такое случалось регулярно и систематично.

Но люди жили. Жили, не особо придавая хоть какое-то значение неизменному противостоянию тех, кому было плевать на всех. Люди проживали свои маленькие жизни – других все равно нет – везде, вне зависимости от того, в какой части света они находились и какую идеологию поддерживали. Или не поддерживали совсем никакой, хотя так не бывает. Всегда есть нечто абстрактное, умозрительное, согласно которому выстроены социальные взаимосвязи и иерархия в конкретно взятом обществе. Другое дело, что не всегда эта идеология направлена на развитие и процветание даже этого отдельно взятого общества, не говоря уже о подходе к остальному миру. Случается такое, что идея жизни как таковая может быть направлена на разрушение жизни? Да, конечно, сколь угодно много. Сплошь и рядом, а главное, это все незаметно до определенного порога – точки невозврата, пройдя которую общество съедает, поглощает, разрушает себя само.

Главное, следует понимать: жизненное значение имеет не то, что и кому раздали в качестве инструментария, а для чего? Но тут как в прекрасной педагогике: истинная цель воспитания должна быть недоступна испытуемому, иначе эта цель никогда не сможет быть достигнута. Конечно, совершенно непонятно, а достигалась ли цель хоть в процессе выведения людей когда-нибудь… Что-то подсказывает, что нет. Но факт остается фактом – мы здесь зачем-то…

Мы все – все люди на земле – родились для того, чтобы однажды умереть. Мы есть некий эксперимент, некая замкнутая, искусственно созданная экосистема, цель существования которой остается неясной. Неясной для нас. Но эта цель очевидна чему-то большему.

Итого, прекрасная Земля, вращаясь, меняет дни и ночи, отсчитывает время, а две державы безвременно, своевременно и постоянно борются друг с другом, как с ветряными мельницами. Воюют до тех пор, пока либо не наиграются, либо не доиграются. Как получится.

Глава 1.
Идеальный мир

Джон стоял у огромного деревянного короба и наблюдал, как восемь пар молодых крыс любопытно осматривали новое жилище. Хотя нет, даже не новое жилище, а новую среду обитания. Молодые крысы вытягивали свои тельца вперед и внюхивались и всматривались в незнакомое пространство. Убедившись, что ничего, кроме сена и соломы, не источало запах, они медленно и важно расходились по периметру вольера. Никто не спешил, не нервничал, не суетился и не пытался занять пространства больше, чем само животное. Все были как-то в ладу с самими собой и с соплеменниками, оказавшимися в новой среде обитания.

Понятно, что они еще не знали, что среда обитания замкнутая и что выбраться просто так отсюда не получится. Но пока это обстоятельство ничуть не омрачало происходящего.

– М-да… – задумчиво произнес Джон. – Попытка номер тринадцать. Ладно, посмотрим. Может быть, в этот раз что-то изменится.

Затхлый воздух помещения пронизывался лучами весеннего солнца. Пылинки, песчинки, шерстинки клубами, подхватываемые потоками свежего воздуха из настежь распахнутых верхних фрамуг огромных окон, витали в лучах, то поднимаясь ввысь, то опускаясь к полу. Такой странный, завораживающий танец частиц, которые сами по себе ничего не значили, но, собираясь вместе, образовывали клубы пыли, способные воздействовать на человека. При определенных условиях можно было задохнуться в этой пыли.

При определенных условиях все могло бы превратиться в жизнь или хотя бы ее жалкое подобие или стать причиной смерти. Как говорил Парацельс: «Все есть яд, и все есть лекарство. Только доза делает лекарство ядом и яд лекарством». Однако вопрос в другом: только ли вещество способно обладать данными свойствами или некоторые определенные условия тоже способны создавать подобный эффект? Или так: при каком уровне научного развития жизнь приобретет деградирующий эффект? Существует ли потолок? То есть цивилизация не может развиваться поступательными движениями в положительной кривой, обязательно должны быть откаты в развитии и повторное прохождение некоторых участков эволюции. В противном случае возможен перегрев, так сказать, системы. Или невозможен?

Входная дверь скрипнула.

– Джон? – раздался нежный женский голос.

– Да, Джейн, – отозвался Джон. – Я здесь.

– Где?

– У нашего нового мира.

Посреди старого огромного фабричного помещения стояли две огромные деревянные коробки, которые представляли собой вольеры для разведения крыс. Высокие и широкие, под два метра в высоту и четыре в ширину, каркасные стены образовывали правильные четырехугольники, внутри которых были созданы искусственные условия для жизни животных. Вдоль внешних стенок были установлены скамейки, так чтобы можно было наблюдать за происходящим, не нарушая внутреннего устройства конструкций и жизни животных. По всему внутреннему периметру были установлены поилки с чистой водой, кормушки, наполненные кормом, а по стенам и по диагонали были перекрытия с ячейками для гнездования. То есть искусственный мир был максимально приближен к естественной среде в части необходимых для жизни условий.

Однако, поскольку это был уже далеко не первый эксперимент такого рода, можно было сделать вывод, что чего-то грызунам постоянно не хватало, и в конце концов каждая из двенадцати предыдущих попыток неизменно оканчивалась фатальным концом. Грызуны вымирали.

И вроде всего хватало. И воды, и еды, и места, и света. Но чего-то все равно не хватало.

Это обстоятельство приводило Джона в замешательство, и каждый раз, в каждый следующий эксперимент он пытался привнести что-то новое, но такое, что реально существовало бы в естественной среде и при этом не являлось бы явной жизненной необходимостью. Вот и сейчас он наблюдал за умирающей популяцией и думал, что качающейся досточки по принципу элементарных качелей где-то посередине вольера оказалось недостаточно. Грызуны потеряли интерес к этому предмету достаточно быстро. Потом все пошло по той же деструктивной траектории, что и раньше: крысы дрались, убивали друг друга, переставали размножаться, переставали есть и пить и в конце концов вымирали.

Почему крысы теряли интерес друг другу и миру?

– Им все равно чего-то не хватает, – раздосадованно делился Джон своим наблюдением.

– Понимаю, – кивала Джейн.

– У них все есть, но они вымирают… – исследователь был не на шутку расстроен. – Я вижу явную закономерность, но не вижу причинно-следственных связей происходящего.

– Понимаю, – Джейн с любопытством рассматривала последние записи на столе.

– Замкнутость пространства вынуждает животных менять модель социального поведения так, что дальнейшее увеличение популяции становится невозможным.

– Да, понимаю, – отозвалась Джейн.

– И я понимаю… Что это очень любопытно.

Джон Келлон, молодой исследователь тридцати пяти лет, был худощав и высок. У него было худое, несколько изможденное лицо, покрытое рыжеватой трехдневной щетиной. Залысины на голове лоснились от отсутствия ежедневного душа, и светлые волосы были взъерошены и не приглаживались, даже когда их владелец предпринимал попытку их примять руками. Джон расхаживал по помещению, сцепив пальцы на затылке, и время от времени запрокидывая голову так, словно у него затекла шея и он пытался это поправить. Его рубашка была не первой свежести, и под мышками виднелись засохшие пятна пота. Нет, не то чтобы он совсем не уделял место и время гигиене, просто, когда тучи в его эксперименте сгущались, он предпочитал не покидать своего поста у вольеров подопытных созданий. Его давно перестали беспокоить и спертый воздух, и духота, и вонища, от которой невозможно было избавиться проветриванием и уборкой. Его не напрягало постоянное шуршание в вольерах, и он мог себе позволить отключаться на несколько часов кряду на старом кожаном диване, стоящем в глубине помещения, ближе к выходу. В свою съемную квартиру он уходил через день, и то только ради того, чтобы принять душ и переодеться, а когда случались непредвиденные обстоятельства, мог и три дня не уходить. Но это не беспокоило его. Джона вообще мало что беспокоило, кроме того, что происходило в деревянных коробках. И многое из того, что там происходило, он не мог логически объяснить.

Последние три года он провел в небольшом университетском городке на северо-востоке Штатов. В этом городе было несколько исследовательских институтов, в том числе институт по изучению психологии, и одна академия искусств. Поэтому в городе было много студентов, а также всего того, что сопровождало студенческую жизнь: от музеев палеонтологии и современного искусства до пиццерий и ночных клубов. Было также несколько шикарных ресторанов и элитных баров для академиков и иже с ними, но эти заведения открывались только в определенные дни, и то только по вечерам. Люди как бы учились, то есть беспрестанно что-то обсуждали, и все это плавно перетекало из лекционных помещений в бары и обратно и представляло собой некий круговорот студенчества в природе с обязательными вручениями дипломов где-то в начале каждого лета.

Джона, правда, мало волновала социальная жизнь студентов и академиков, все свои последние три года он провел в постоянном исследовании «идеального мира крыс». То есть исследовании популяции крыс при создании для них приближенного к идеальному искусствен-

ного мира. Его первоначальные гипотезы о бесконечной эволюции грызунов и дальнейшем захвате всего мира грызунами разбились вдребезги. Вот уже двенадцатая попытка заканчивалась фатально: животные вымирали не потому, что у них не было воды, еды, воздуха или они вымирали бы от болезней. Нет. Они банально переставали интересоваться жизнью как таковой и переставали размножаться.

– Послушай, Джон, – продолжила Джейн. – Может быть так, что мы… ты что-то не учитываешь в обязательных условиях?

Джейн Айри была студенткой биологического факультета местного исследовательского института биологии и антропологии. Она была двадцати трех лет, очень тонкого, хрупкого телосложения, с мраморно-белой кожей, сквозь которую на лице и запястьях просвечивали голубоватые вены. Ее волосы были настолько светлые, что переход от лба к линии волос был едва уловим, а брови казались несуществующими. Губы, не знавшие помады или даже блеска, казались неестественно яркими, словно припухшими или даже воспаленными, на бледном лице. И только в зарослях абсолютно светлых ресниц скрывались ярко-серые внимательные глаза.

– Может быть, им не хватает того, что не является как бы жизненно необходимым условием для жизни, но представляет из себя безусловный фактор развития жизни как таковой, а? – предположила Джейн.

– Например, чего? – задумчиво произнес Джон.

– Например, музыки…

– Чего? – опешил Джон.

– Ну, например, музыки Вивальди, – Джейн смутилась, – или Моцарта?

– Ты понимаешь, что музыка, как и искусство вообще, является производным, так сказать, побочным продуктом высшей интеллектуальной жизнедеятельности человека и человечества как подвида высших приматов, – глаза Джона округлились, и он плохо скрывал свое удивленное возмущение.

– Да-да, я понимаю, – Джейн отчаянно кивала головой, соглашаясь со словами Джона.

Она смутилась: противоречивые чувства накрыли ее с головой. С одной стороны, она соглашалась с Джоном, что крысы не пишут музыку, а с другой – просто чувствовала, что чего-то в эксперименте не хватает. Внутри самих крыс чего-то не хватает.

– Это надо, чтобы крысы сами начали писать музыку, свою, крысиную музыку, чтобы суметь ею насладиться. Для этого должны быть как внешние условия, такие как свободное время, так и внутренние – потребность к написанию… – Джон остановился, словно сам себя оборвал на полуслове и обернулся. – Джейн, должны быть объективные условия…

– М-да, но у них нет на это условий… видимо. Понимаешь, видимо, нет на это никаких условий.

– То есть?

– И, возможно, нет предпосылок, – Джейн задумалась. – Нет такого толчка для создания чего-то, что было бы важно само по себе, но не имело бы утилитарного смысла.

– Например?

– Ну, Джон, ты понимаешь, музыка… эм-м-м… как ты и сказал – это вид искусства, – Джейн расхаживала вдоль высокой деревянной стенки вольера и рассуждала, размахивая руками, словно сама себе дирижировала. – Понимаешь, Джон, музыка – это такой вид искусства, который не возникает сам по себе. Для этого надо, чтобы одного человека что-то извне толкнуло на внутренние переживания. Ну то есть должно произойти некое событие, которое породило бы в человеке чувства и эмоции, и это, в свою очередь, подтолкнуло бы человека к написанию музыки.

– Джейн, пожалуйста, остановись, Джейн, – бормотал обескураженный Джон. – Мы говорим про крыс.

– Да, но и первый инструмент, типа дудочки с тремя дырочками, был изготовлен еще приматом примерно пятьдесят тысяч лет назад.

– Джейн, остановись…

– Да человек тогда еще и не был человеком. Потому что человек был полунеандерталец, полукроманьонец…

– Джейн!

– И человек тогда не был человеком, а скорее животным, согласно антропогенезу…

– Джейн! – Джон повысил голос.

Джейн замерла и вопросительно уставилась на Джона. Заметив реакцию, тот снова понизил голос и продолжил свои разъяснения:

– Понимаешь, мы говорим про грызунов, а не про приматов. Я никогда ранее не слышал, чтобы крысы создавали музыку или что-то вроде того, что-то, что не имело утилитарного значения. И да, ты права, что-то осталось не учтено в эксперименте, потому что даже при условии замкнутости ограниченного пространства наличие еды, воды, воздуха должно создавать предпосылки к дальнейшему размножению, а значит, продолжению популяции… Но им чего-то не хватает.

– Может быть, в естественных условиях крысы тоже создают нечто, что мы не можем оценить от слова совсем, но что является важной составляющей их крысиной жизни, – на одном дыхании выпалила Джейн.

– Например?

– Не могу ничего предположить, – Джейн смутилась, опустила глаза и залилась пунцовым румянцем.

– Вот…

– Да, но вот смотри, муравьи строят сложные по архитектуре муравейники, пчелы строят соты правильной шестигранной формы, хотя их никто этому не учит…

– Джейн, подожди, – Джон выдохнул с грустью. – Джейн, я понимаю, что ты пытаешься указать на тот факт, что грызунам в экспериментах с идеальной средой чего-то не хватает. Это понятно. Им действительно не хватает… Но не условий, а переживаний. Так называемого стресса развития, когда индивид начинает что-то делать тогда и только тогда, когда конкретно припекло. Но если мы начнем так рассуждать, мы должны будем признать в конце концов, что крысы – разумные существа. И обладают характеристиками разумных существ, в первую очередь обладая способностью отделять себя – каждого индивида – от окружающей среды. Понимаешь?

– Понимаю… – задумчиво произнесла Джейн. – Тогда придется признать наши эксперименты незаконными, ведь нельзя производить эксперименты над разумными существами. Так ведь получается?

– Ага, и, размышляя о том, чего не хватает крысам, мы договоримся до статьи уголовного кодекса.

В замешательстве оба замолчали. Если принять за гипотезу только что появившиеся мысли, нужно признавать, что многое из того, что известно о грызунах, – чушь собачья. А если все это отвергать, то ни один из выводов не казался логичным.

Джейн участвовала в эксперименте не с самого начала, но за тот год, что она провела здесь, в крысиной лаборатории, расположенной в помещении старой заброшенной фабрики, она поняла, что многое из того, что рассказывается на лекциях по биологии, физиологии, функциональной анатомии и прочему в институте, абсолютная чушь. Животные не подчиняются первоначальным естественным рефлексам в борьбе за выживание. А точнее, не только таким рефлексам. Есть нечто гораздо большее, что управляет поведением даже таких простых животных, как грызуны. Они способны выстраивать свой собственный социум, жить в нем и менять его по мере необходимости. И, более того, как уже выяснилось, животные не все-

гда стремятся выжить. Это противоречило академической доктрине, но было совершенно очевидно из уже произведенных экспериментов.

И тут, как говорится, записывайте, документируйте, комментируйте, делайте выводы, но никому не рассказывайте. Неизвестно, к чему приведут такие эксперименты и их выводы. Или, в конце концов, если собрались рассказывать о результатах подобных экспериментов, причешите ваши выводы так, чтобы они не противоречили официальной науке. В противном случае есть шанс договориться до такого, чего и сами не вынесете, и общественность еще потом долго будет разгребать и переваривать.

– А ведь ты помнишь, – продолжил Джон, – последний раз мы добавили досточку. Качельку, у которой не было никакого утилитарного назначения…

– Конечно, помню, – Джейн взобралась рядом с Джоном на скамейку у вольера номер двенадцать.

– И крысам она нравилась…

– Угу.

– Поначалу она им нравилась и сильно занимала их.

– Да, так сильно, что они начинали драться за доступ к этой досточке, – подтвердила Джейн.

– Но потом…

– Потом интерес прошел, – продолжала Джейн. – Интерес прошел или скорее проходил, то есть угасал по мере увеличения популяции. И ты понимаешь, Джон, у них в отношении этой досточки было явно видно отношение… отношение…

– Чье отношение?

– Это как отношение детей к новой игрушке.

– Джейн, пожалуйста, сравнения с высшими приматами неуместны, – Джон тяжело вздохнул.

– Я понимаю, но послушай. Дети в группе выражают явный интерес к новой игрушке и даже могут соперничать за обладание этим предметом, но потом этот интерес угасает, и если нет того, кто бы нашел способ использовать эту игрушку в постоянной игре, дети теряют к ней интерес.

– То есть, – рассуждал Джон, – все-таки у досточки-качельки не было утилитарного назначения, которое играло бы свою роль в жизни грызунов, так?

– Получается, так… – пробубнила Джейн.

– И поэтому этот предмет оказался не нужен.

– Понимаю.

Оба замерли в глубоких раздумьях. Все предыдущие эксперименты сводились к тому, что на развитие и размножение популяции грызунов влияли не только и не столько внешние показатели, такие как вода и еда, сколько некие, пока непонятные, внутренние явления как в группе, так и в отдельных особях. Социальное устройство животных оказалось сложнее и более иерархично, чем ученые могли себе представить в начале эксперимента. Мелкие домашние грызуны, к виду которых относились простые домашние крысы, в целом были животными социальными и даже умными, как считалось, потому что они поддавались простейшей дрессировке и могли решать нехитрые задачки. Например, добраться до еды в лабиринте. Но это никак не характеризовало грызунов как высокоинтеллектуальных животных, а значит, по мнению ученого, они не могли выстраивать сложные социальные цепочки взаимодействия и действовать в соответствии с некоей целью. Более того, они не могли отделять себя как индивида от окружающей среды, а значит, являлись неким единым коллективным бессознательным, движимым базовыми рефлексами.

Однако на практике все оказывалось не совсем так. А скорее, совсем не так. Крысы выстраивали условное классовое общество, распределяли роли и следовали каким-то одним

им понятным правилам. Плюс ко всему крысиная иерархия выглядела более сложной, более замысловатой в неволе, чем в естественной среде. Это было сложно не заметить и совершенно невозможно было объяснить.

Теперь же, на попытке номер тринадцать, Джон хотел бы проследить и выявить некую закономерность того, что и как влияет на изменение социального поведения мелких грызунов в замкнутой среде при условии абсолютного достатка воды и еды.

– Так почему они…

– Потому что качельки, видимо, недостаточно, – пробубнила Джейн. – И вообще, возможно, это было совсем не то, что крысам надо.

А на данном этапе Джон прекрасно понимал, что происходит нечто, что не только не вписывается в рамки академической науки, но и в целом противоречит здравому смыслу и естественной природе вещей. Как исследователь он понимал, что где-то что-то не учел. Но как человек он считал, что постарался учесть все, что можно было учесть из видимого физического мира, но результат все равно продолжал быть ошеломляющим. Двенадцать раз крысы размножались до определенного уровня, двенадцать раз маленькая вселенная развивалась до определенного уровня, а потом наступал момент, некий почти библейский момент, и грызуны сначала нападали друг на друга, а потом переставали вообще друг другом интересоваться. И, как следствие, вымирали.

Джон, конечно же, понимал, что в естественных условиях популяция грызунов регламентировалась некими внешними факторами, такими как болезни, хищники, влияние человека. И в то же время он сам прекрасно знал случаи, когда крысы даже в замкнутых пространствах продолжали размножаться даже при условии отсутствия всего жизненно необходимого, например, достатка воды и еды. Животным приходилось в буквальном смысле драться за еду и место в колонии. Например, любое более-менее большое подвальное помещение, которое не санируется искусственным образом, превращалось в такой естественный эксперимент. Понятно, что, скорее всего, и места там было больше, и была гипотетическая возможность выбраться из замкнутого пространства. Но даже жесткое ограничение в еде и пространстве там не приводило к вымиранию популяций. Если бы такое было возможно, человечество местами вздохнуло бы с облегчением.

– Джон, мне пора…

– Да, иди, – буркнул Джон. – Ты придешь вечером?

– Как получится. У меня сегодня лаборатория.

– Понятно.

– До завтра.

– Да, давай, до завтра. Мне бы до дому добраться… – продолжал бурчать Джон. – А Пит придет сегодня?

– Не знаю. Обещал. А там видно будет.

– Да, не рассказывай пока, что крысам музыки не хватает, а то нас отсюда попрут.

– Джон! – обиженно воскликнула Джейн. – Ну с чего бы вдруг…

– Понимаю, – прервал ее Джон. – Прошу прощения. Приходи завтра. Обсудим Вивальди для крыс.

– Чего смешного? – удивилась Джейн и вышла в дверь.

Старая металлическая лестница непонятного красно-кирпично-коричневого цвета вела вниз, и Джейн вприпрыжку стала спускаться. Она думала о том, что крысам действительно чего-то не хватает, но они, люди, никак не могут понять чего.

А потом ей в голову пришла мысль, что люди не понимают, чего им самим не хватает, чтобы жить и быть счастливыми. Ну, пусть не безусловно счастливыми, но хотя бы быть удовлетворенными своей жизнью. Быть в ладу с собой и окружающим миром.

Джейн думала о том, что основные яркие моменты жизни всегда так или иначе связаны с болью. Или отсутствием боли. Или тем облегчением, которое наступает после перенесенной боли. То есть отсутствие боли или страдания не является безусловным фактором к развитию, а скорее наоборот. Нет сопротивления – нет результата. И тут она вспомнила своего профессора по высшей математике. Это был очень пожилой профессор, Антон Букофф, который говорил с явным славянским акцентом, но который был безусловным светилом математики и физики у нее в институте.

Так вот, он говорил так: «Сопротивление – это великая вещь. Без нее не было бы ничего во Вселенной. А значит, не было бы и нас, людей. Так что каждый из нас может положиться только на то, что оказывает сопротивление, например этот стул… Поэтому, господа студенты, спор – это сопротивление. Осмысленный спор, а не брань идиотов. Сопротивление мысли, обернутой в слова, и есть конструктивный спор. А в споре, как мы помним, рождается истина. И даже если она не рождается в каждом споре, то каждый спор непременно приближает к изначальной истине Вселенной: что есть жизнь? Да, вопрос, что есть жизнь, занимал и до сих пор занимает самые величайшие умы науки и философии. Что есть жизнь? Существование белковых тел, существование сознания или существование души. Не смейтесь, но ни одно из этих выражений не является аксиомой».

Джейн подумала, что осознанное сопротивление неким обстоятельствам и является условием прогрессирующей жизни. То есть, пока живешь и чему-то где-то сопротивляешься – значит, развиваешься. Если замер – все, не живешь, а существуешь. Если же принимаешь, но не все, а осознанно выбираешь и изменяешь то, что не подходит, то это скорее осознанная жизнь. Хотя, скорее всего, прежде всего придется поменять самого себя, а не условия вокруг, потому что львиная доля того, что нас окружает, изменению не поддается.

М-да, а с себя начинать никто особо не спешит.

Глава 2.
Пасечник

В заснеженных горах Алтая в утрамбованном снегу по склону холма одинокий пасечник прокладывал тропинку. Слежавшийся за зиму снег в обвалившихся разрезах выглядел как многослойный пирог с прослойками серого, зеленоватого, бурого. Местами, словно размытая акварель, цвета смешивались и приобретали слегка желтоватые и даже сиреневые оттенки. Солнце отражалось в каждом цветовом нюансе и окрашивало даже посеревшие места снега в причудливую палитру пастельных цветов.

Там, по другую сторону холма, был старый омшаник. Большое, почти земляное помещение, построенное еще в прошлом веке, которое служило приютом на зиму для порядка пятидесяти ульев. Теперь, в приближении весны, пасечник должен был начать посещать своих подопечных. Проверить, кто перезимовал, кто нет. Кого надо подкормить, кого подлечить, а кого стряхнуть в ведро и подпалить, предварительно забрав матку. Это болезненно, но необходимо. Не всякое живое существо переживает зиму. Особенно такую, алтайскую зиму, с ее морозами под минус сорок, с тяжелыми, глубокими снегами и лютыми ветрами. Хотя те, кто живет здесь долго, говорят, что нет места на земле прекрасней, чем Алтайские горы.

Так думал и пасечник. Справедливости ради, надо сказать, что Борис Алексеевич Гурин не всегда был пасечником. Он, конечно, был из этих мест родом, но большую часть жизни провел в столицах да по всему миру в верном служении земле своей. И только во второй половине шестидесятых, выйдя на пенсию, он вернулся в родные края.

Его возвращение было случайной неслучайностью, возникшей из недр определенно несогласованных событий. Тех событий, которые случились, и тех, которые остались невоплощенными. Все случилось так, как должно было случиться.

Подобно тому как солнце всегда восходит на востоке и непременно садится на западе, так и жизненное пространство развивается по определенным и неизменным законам. Утверждать же, что их – этих законов – не существует, все равно как утверждать, что солнца нет, только потому, что оно закрыто тяжелыми тучами и его не видно. Но ведь все понимают, что солнце есть, даже если очень пасмурно, даже если долго пасмурно – день, неделю, месяц. Но солнце все равно есть. Так и в жизни – все закономерно и предопределено и в то же время эластично и изменяемо. Законы жизни неизменны. Можно долго жить и решать нерешаемые вопросы, а потом искренне удивляться тому, что решение было дано изначально, но этого решения никто не видел.

Борис Алексеевич Гурин родился в 1900 году в семье отставного царского офицера Алексея Петровича Гурина. Он был поздний, единственный и очень долгожданный сын. Учился Борис в поселковой школе. Потом в гимназии, потом в еще царском военном училище. Со школы знал науки точные, историю земли своей, литературу – родную и мировую, Писание Господне и четыре европейских языка.

Учитывая данные обстоятельства, можно и нужно считать чудом, что за следующие с 1919 года сорок лет он сохранился, выжил и даже работал на очень высокопоставленных местах в департаменте иностранных дел при Советах.

Мировые войны, революции, репрессии, чистки, восстановление в должности, повышение по службе – было все, и в то же время все это тяжелым сапогом прошло мимо и задело самого Бориса Алексеевича лишь по касательной. Так он и дожил до седин, проработав последние лет пятнадцать, почти до конца шестидесятых, поверенным в делах в департаменте внешних отношений при министерстве. Происхождение и опыт Бориса Алексеевича в военном деле и его потрясающие способности видеть в людях то, чего не видел никто другой, сделали из него

уникального, практически незаменимого сотрудника. А ушел Борис Алексеевич со службы по той причине, что в свои шестьдесят семь лет он, хоть и был бодр, был весьма болен, потому как старые раны не отпускали хватку и лишь сильнее и чаще напоминали о своем присутствии. Но не только. Однажды, в одной из своих командировок, он ясно увидел, что его служение земле своей подходит к концу и надобно ему возвращаться.

Сейчас, когда он снова вернулся в родные края, он словно пытался наверстать упущенное за свою долгую, очень хлопотную и местами очень опасную жизнь. Он словно пытался надышаться чистым горным воздухом, напиться ключевой водой… Намолиться за все то время, когда молитва для него представлялась невозможной. Его мир теперь представлял из себя тихое философское существование наедине с самим собой. Размышления и воспоминания, наполнившие его внутреннее пространство, составляли огромную и почти единственную ценность и целостность его дней.

Размеренная жизнь отшельника нисколько не тяготила бывшего большого столичного человека. Скорее, наоборот, воодушевляла и вдохновляла его своей простотой и искренностью. Каждое движение жизни было честным: уж если зима, то снега и морозы, если лето – жара и зной… Если ливень, то настоящий. И медведь-шатун у порога тоже настоящий. Пробужденный до срока, он и сам не знал, что ему делать и куда податься. А потому бесхитростно шел к людям, где можно было хоть чем-то поживиться… Все по-настоящему, все честно.

Там, откуда Борис Алексеевич пришел, не было места такому положению вещей. Там не было честности не то что в отношениях с потенциальными соперниками или противниками. Там и среди своих не было единства. Каждый норовил подставить подножку, толкнуть как бы нечаянно. В лучшем случае выдерживать профессиональный нейтралитет или притворный политес до неких предстоящих событий, а потом… Потом видно будет.

Но жизнь показывала, что никогда обстоятельства не складывались таким образом, чтобы человеку было на руку быть честным и искренним. Скорее, все с точностью до наоборот. Быть человеком – как человеком – крайне невыгодно. Всяк норовит на шею сесть, куснуть побольнее да обвинить в том, в чем сам виноват. Большая часть профессионалов – лисы с одной фермы, хоть и выглядят по-разному, и в изворотливости, расчетливости и хитрости каждый был по-своему мастер.

Так было по большей части.

Хотя были исключения. Вот хотя бы он сам – Гурин Борис Алексеевич – просто энциклопедическое исключение из правил. Сын отставного офицера царской армии, с царским образованием и воспитанием оказался при деле в новом мире: был востребован и отчасти незаменим. Его сослуживцев и сотоварищей уже тогда – в тридцатых-сороковых годах – почти никого не осталось в живых. Кто на войне погиб, кто расстрелян за неправильные взгляды, кто осужден и сослан, а Борис Алексеевич в то же время был принят на службу во внешнюю разведку, а потом в департамент при министерстве. То есть это как?

Ирония жизни, не иначе.

Борис Алексеевич знал четыре иностранных языка: два из них в совершенстве, третий – очень хорошо и четвертый – сносно. Вот и получалось, что уже по этим качествам он становился незаменимым человеком в деле понимания мироустройства. Плюс тот факт, что Борис Алексеевич был очень спокоен, уравновешен, в чем-то малозаметен, умел слиться с толпой, когда надо, и выделиться вовремя и на время, а потом снова уйти в тень, когда требовалось, сделал его абсолютно уникальным сотрудником. А кроме того, Борис Алексеевич был по натуре тонким психологом. Без единого курса факультета психологии он безошибочно определял не только лжецов, сомневающихся, колеблющихся, но и куда более тонкие состояния человеческой души, когда и сам-то человек не понимал, что с ним происходит. Борис мог не только определить и подловить нужный момент, чтобы заговорить с нужным человеком на нужную

тему, но и в нужный момент бросить семена его собственных мыслей в нужную почву, то есть чью-то чужую голову.

Таким образом получалось, что Борис Алексеевич благодаря своим естественным врожденным данным прошел мимо всеобщей катастрофы его времени и вышел почти сухим из воды. И не считая того факта, что он так и не женился, хотя имел непризнанную дочь, можно считать, что его жизнь сложилась наилучшим образом. Наилучшим образом из всех возможных.

Когда же он в возрасте шестидесяти пяти лет засобирался на пенсию, чтобы, как он сам выражался, уступить дорогу молодым, его не отпускали еще целых два года с мотивацией, что сотрудника с такими обширными и глубокими познаниями в области международных отношений найти будет сложно. И это было в самом деле так. Сложно заменить человека, прошедшего как по лезвию ножа сквозь шторм смены режимов и не свалившегося в пропасть конфронтации и неприятия. И не потому, что у Бориса Алексеевича не было своих внутренних границ и принципов. Они были. А потому, что он выбрал служить стране как единственно возможной субстанции, а не отстаивать свои взгляды, которые могли и часто оказывались не до конца верными, не до конца мотивированными, не в полной мере отражающими действительность.

Как и всякий человек, Борис Алексеевич мог ошибаться, и он знал об этом. И осознание возможности существования собственной ошибки в личных суждениях удерживало его от резких высказываний касательно чего бы то ни было. Это как если все время держать в голове мысль: а все ли факты мне известны, чтобы делать определенные выводы? Если нет, какой вывод можно сделать из существующих фактов? Правдоподобен ли вывод?

А жизнь непрерывно подкидывала неправдоподобные сценарии. Такие сюжеты, что ни один фантаст не выдумает даже на заказ и за большой гонорар. Один за одним события подтверждали и тут же опровергали ранее произнесенные постулаты. На сомнения времени не было. На раздумья – тоже. И только верное служение земле своей было неизменным компасом в пространстве постоянно изменяющегося мира. Мира без мира. Мира в хаосе и боли. Но другого ориентира никогда не было, да и не могло быть.

Однажды, когда вершилась первая революция в стране, отец Алексей Петрович сказал своему шестилетнему сыну Борису:

– Помни, Боря, цари тоже люди. Они приходят и уходят. И каждый следующий считает себя лучше предыдущего. Но по сути все они на одно лицо, только что выглядят по-разному. Они вводят и отменяют налоги. Они проигрывают и выигрывают войны. Они ведут переговоры или идут напролом… Но они только люди, понимаешь, а вот страна – одна.

– Понимаю… – бубнил ошалевший Боря, но ничего не понимал.

– Они люди. И они могут ошибаться. Не ошибаются только Создатель и любовь к земле нашей. Такая любовь, которая не предполагает взаимности. Любовь к этому лесу, к полям, к деревням, ко всему живому и к людям. Ко всему тому, что видишь, и еще больше ко всему тому, чего ты не видишь. Не видишь, потому что не можешь окинуть одним взглядом, но точно знаешь, что оно есть.

– Угу… – бубнил ничего не понимающий Борис.

– Эта любовь к земле должна быть сильнее любви к жизни, ибо если надо будет пожертвовать своей жизнью, надо будет сделать это не задумываясь.

– А мама?..

– Земля наша и есть мать наша первая. И у каждого есть своя мать – родная. Но без первой второй никогда не бывать, понимаешь?

– Понимаю…

– Потому служим мы не царю, Борис, а земле нашей.

Борис долго думал над тем, что сказал ему отец, но в шесть лет такие вещи кажутся недоступными для понимания и в целом абсурдными. Как это – не любить царя, а любить землю? А кому ты, скажи на милость, тятя, на верность присягал?

Чем старше становился Борис, из мальчонки в отрока, а потом в подростка и юношу, тем страшнее разворачивались события в стране, тем туже затягивался узел недовольства среди людей, тем сильнее сжималась пружина терпения, готовая выстрелить в любую секунду. Неумелая внешняя политика принесла много недовольства в и без того сильно пошатнувшийся уклад общества. В конце концов, целенаправленно подталкиваемая извне структура государства покосилась, накренилась и посыпалась. Была ли на то воля Создателя или его же полное безволие – остается и по сей день загадкой. Однако прежнее государство пало, и осталась только земля от края и до края, которую велено было любить больше матери и которой велено было служить пуще царя родного.

Алексей Петрович воспитывал сына Бориса не только в посте и молитве, но и в ласке и понимании. Не ругал отпрыска особо, но и не захваливал. Только часто приговаривал, что все мы здесь ради учения послушанию. Посему, значит, надо слышать и видеть провидение Создателя в том, что времена нынче смутные, трудные, а значит, и ноша особо тяжелая, и нести ее надобно с особой осторожностью и вниманием. По всему выходило, что служение чему-то большому, безграничному и обезличенному и есть форма высшего послушания в миру. Что бы ни случилось, надо выбрать то, что является безусловной постоянной величиной – землю свою.

Много было всякого. А когда внутреннее недовольство сменилось дракой всех против всех, отец Бориса решил, что ему пора в монастырь. К тому времени Алексею Петровичу было далеко за семьдесят, и даже сильно запоздалые новости о том, что происходит в стране, сильно расстраивали его. Так расстраивали, что однажды он приказал Борису, который ненадолго вернулся после госпиталя, положить его на подводу и отправиться через ущелье на другую сторону горы, где был очень старый монастырь. Монастырь еще с тех времен, когда сюда люди ушли после церковной смуты. И хоть была это не совсем отцова вера, неважно это вдруг стало. Ибо сказал отец так:

– Ежели Бог отвернулся от нас, то ему все равно, в каком монастыре я молиться стану.

– А если не отвернулся? – Борис не знал, как уговорить отца остаться.

– А ежели не отвернулся, то он услышит молитву из любого монастыря.

– Не понимаю, – шептал удивленный Борис. – Он и так, и так услышит, получается.

– Получается так, Борис. Он, знаешь, вообще все слышит, и мысли тоже.

– И мысли?

– И мысли тоже. Так что берегись того, о чем ты думаешь. И не только о чем, но и как, – говорил Алексей Петрович, лежа на спине на сене и овчинном тулупе на подводе и глядя в ясное июльское небо. Борис понукал лошадь и бубнил себе под нос что-то неразборчивое. А Алексей Петрович смотрел в небо, и местами непонятно было, с кем он разговаривал. То ли с ним – с сыном, что вез его в монастырь, то ли с Создателем, что ждал его там, а сейчас сопровождал в дороге.

– Тятя, может, вернемся? – пытался сын уговорить отца вернуться.

– А? – простонал старец.

– Ну кому ты там нужен?

– Ты о чем?

– А дома ты мне нужен… – Борис нутром сопротивлялся происходящему, но ослушаться не смел.

– Там я нужен… Создателю нужен.

– Ох… – вздыхал Борис.

– Кто молиться-то станет? – рассуждал отец, обращаясь не то к сыну, не то к небу, не то к самому себе.

– Там монахи есть, отец. Они там есть, чтобы молиться.

– Они жизни не знают, – отмахивался старик. – Они пороху не нюхали. Они крови не видели. Как они молиться станут?

Долго ехали молча. Пока не доехали до какого-то хутора, которого здесь раньше вроде бы и не было, хотя дом был старый. Решено было остаться на ночлег. Хозяин, лесоруб и охотник, приютил проезжающих, как положено, с хлебом-солью. Разговор завязался. Кто такие, откуда, куда, зачем да почему. И тут хозяин рассказал, что царя убили и семью его живьем закопали эти новые людоеды.

– Нелюди, понимаете? – распинался хозяин.

– Не можно так говорить. Может, ты ошибся? – бормотал отец.

Он лежал на лавке на тулупе и не мог себе представить, что царя нет. Ну неважно, что это не тот царь, которому он сам когда-то присягал на верность, но это же царь.

– Нелюди… – бормотал хозяин. – Я не ошибаюсь.

– А может?.. – вставил было Борис.

– Не может, – отрезал хозяин. – Бог покинул нас. Где-то мы не туда свернули, или нас повели не туда, как детей малых с завязанными глазами. А мы и не сопротивляемся…

– Сопротивляемся… – шепотом произнес Борис.

– Ну да, сопротивляемся, но недостаточно хорошо, – сказал хозяин и укоризненно посмотрел на Бориса. И Алексей Петрович, и Борис поймали этот взгляд.

– Да я только из госпиталя… – шепотом начал было оправдываться сын. – Приехал, вот, отца навестить, а он в монастырь засобирался. Богу молиться.

– Оставь его… – прохрипел отец. – Нам никому не ведомо, что нам выпадет на долю. Я вот долго думал, что цари вечные, а ты мне что рассказываешь? Что нет царя? Я долго думал, что у меня сына не будет, ан нет, вот он.

– Вот он, – сыронизировал подвыпивший хозяин.

– Да, вот сын, а жену с дочкой Господь прибрал. Так что оставь его. Значит, так надо!

– Надо? – возмутился охотник до шкур и меха да до суждений быстрых и необдуманных. – Да нет, это же всё люди сделали, как же вы не поймете? Это всё люди сделали.

– Понимаем, голубчик, понимаем, – шептал отец.

– А эти новые считают себя богоизбранными, а ведь их даже люди не выбирали, – возмущался хозяин хутора. – Их никто не выбирал, хотя они выборное право всем раздали. Зачем?

– Так надо! – шептал отец.

– А еще Советами называются, будто бы и вправду советуются с кем-то?

– С кем советуются? – переспросил Борис.

– С народом… – раздраженно продолжил хозяин. – Якобы с народом советуются.

– Да Бог бы с ними, голубчик, давай спать, – Алексей Петрович теплым голосом пытался прервать ненужный разговор. – Нам в дорогу рано надо.

А наутро нашел Борис отца своего бледным и холодным и отправился с ним же, но только в обратный путь – домой. Теперь-то зачем его в монастырь везти? Вот и повез Борис спеленатое тело отца обратно – той же дорогой, на той же подводе, на том же тулупе.

Борис Алексеевич, девятнадцати годов от роду, бывший кадет царского училища, бывший офицер царской и советской армии и раненый солдат, сидя на подводе и беззлобно понукая лошадь, вдруг осознал, что остался один. Совсем один. Мать схоронили, еще когда он сам ребенком был, не разродилась она сестрой по-божески. И сестренка погибла, и мать не выжила. А теперь вот и отец отправился в мир иной.

Ехал Борис так и думал, что дела плохи не только в мире в целом, но и в его собственном мире тоже. Остался он один-одинешенек, затерянный где-то в предгорьях Алтая, и не видел он никакого смысла в своем дальнейшем существовании. По всему было понятно, что меланхолия – жалость к себе то есть – на него навалилась. Неудивительно это, потому как всякий

человек, потерявший последнюю живую душу в этом мире, будет чувствовать себя потерянным и никому не нужным.

Чувство полного и абсолютного одиночества на долгие годы станет верным спутником Бориса Алексеевича Гурина. Ненужная необходимость заполнит суетою дни его до краев и однажды вынесет туда, откуда он когда-то вышел. Пройдет сорок лет. Совершится жизненный круг, и только когда вернется сюда Борис, он ощутит вдруг весь смысл жизни. Но не раньше.

Пасечник пробрался по глубокому талому снегу почти к самому омшанику. Здесь проталины были глубже и цветистее, словно акварели развели побольше да погуще. Дверь перекосило и заклинило, и Борис Алексеевич, склонившись над замком, пытался разрешить возникшую трудность. Одинокие пчелки, просачиваясь сквозь щель сверху двери, вылетали и кружились вокруг пасечника, который явно не был готов к такому повороту событий.

– М-да, – пробубнил Борис Алексеевич. – Как же тебя так заклинило-то, друг ты мой железный?!

По большому счету, мы, люди, вообще ни к чему не готовы. Ни к рождению, ни к жизни, ни к смерти, и путь земной проходим наобум и кое-как. Сказать бы, что как Бог на душу положит, так нет же, даже не так, а скорее абы как. На черновик. Да, на черновик, только набело переписать позволено не будет никому. Все так и останется – с кляксами и помарками. А между тем каждый момент жизни всегда конечен и окончателен. Ничего невозможно переделать, переписать: ни сделанную глупость, ни сказанное слово, ни пропущенное чувство.

Проржавевший замок наконец-то поддался, дверь с превеликим трудом тронулась с места, и пасечник попал в омшаник. Было сразу понятно, что большая часть ульев перезимовала. Пчелы летали в прохладном помещении и теперь, когда дверь отворилась, ринулись наружу, не ожидая, что там все еще холодно и неприветливо.

Борис Алексеевич стоял и всматривался в сумрак омшаника. Его глаза постепенно привыкали, и он стал различать очертания своей маленькой вселенной. Ульи стояли в два ряда друг на друге и в несколько рядов вдоль стен. В воздухе вибрировало приятное дребезжание пробудившихся пчел.

Еще было не время вытаскивать ульи, но проверять и подкармливать уже надо было начинать. Пока пчелы неактивны, надо всех проверить: кого подлечить, кого подкормить, кого в ведро стряхнуть… да все начать сначала.

И пусть еще холодно. И снег еще лежит толстым утрамбованным слоем. И по ночам еще снегопадит и хандрит. Скоро, уже очень скоро будет весна, а за ней и лето придет. И покатится колесо жизни как и раньше – ни быстро, ни медленно, а так, как тому и положено – ибо всему свое время.

Глава 3.
Оттепель

Подводная лодка медленно и бесшумно двигалась в холодных водах Атлантики. Синий кит с интересом наблюдал за странным, как ему казалось, собратом и время от времени приближался к непонятному объекту на непочтительно близкое расстояние.

Темно-синяя, местами мутная вода казалась некоей вязкой жидкостью, обволакивающей массивное тело рукотворного кита. Он медленно погружался в тягучую водную массу, не издавая при этом ни звука, и маневрировал в подводных течениях. Люди внутри подлодки сохраняли не только режим радиомолчания, но и внутреннюю тишину.

Обнаружить подобный предмет в водах океана не представлялось возможным, хотя сам по себе предмет был огромных размеров. Собственно, размер в данном случае не имел никакого значения. Главное – сохранение тишины и почтительного расстояния до других объектов в международных водах Атлантики.

* * *

Зима на северо-востоке Штатов выдалась неожиданно холодной, со снегом и морозами, что само по себе было совершенно несвойственно для данной местности. Заморозки наступали не только ночью, но могли продержаться весь день. А потом еще и следующий день, прежде чем температура снова повышалась и наступала оттепель. Но после кратковременной оттепели, когда все начинало подтаивать, снова приходили заморозки и сковывали жизнь с новой силой. Вода, замерзая, расширялась во всех трещинах, извилинах и изгибах внешних труб, отчего осыпалась штукатурка, рвались водосточные трубы и вообще происходили странные вещи. Снег не убирали ни с улиц, ни с крыш домов, и, подтаивая, он спрессовывался, образуя тяжелую водянистую массу, которая продавливала кровли. Крыши многих домов, как жилых, так и общественных зданий, не выдерживали натиска природы и начинали протекать, отчего внутренние помещения заполнялись сыростью и вечным спутником сырости – плесенью.

А плесень – это такая субстанция (хотя с биологической точки зрения это грибок), которая обладает феноменальной живучестью по сравнению с другими видами и подвидами живых существ. Эта штука может пережить все, даже ядерный взрыв, если потребуется. И самое главное – эта плесень есть везде, за тем исключением, что, когда окружающая среда наименее благоприятна, при отсутствии тепла и влажности, плесневые споры капсулируются и ждут. Ждут долго. Могут ждать столетиями нужных условий. И при этом не теряют своих жизненных свойств на следующем витке возрожденной жизни.

Вот это жизнь! Вот это можно назвать поистине адаптивным способом выживания. Много ли в природе таких существ, способных выживать в самых неблагоприятных условиях. Много? Это смотря как считать. Насекомые, черви, грибки – в общем-то, много. Однако ничего или никого из разумных существ в этом списке не будет. А так да, плесень торжествует. Она торжествует еще и потому, что избавиться от нее практически невозможно. И ничего с этим поделать было нельзя, потому что зима оказалась холодной и снежной, весна – ранней и теплой, а люди – необучаемыми.

Жаловаться и обращаться куда-либо за помощью было практически бесполезно, и каждый справлялся как мог. Сначала помогали страховые компании, но потом и они, увидев реальный масштаб проблемы, стали самоустраняться от решения проблем. Мол, надо было предусмотреть, перекрыть крышу вовремя, решить вопросы с водостоком заблаговременно и так далее. Так что большинство людей оставались наедине со своими проблемами.

Теперь же, когда весна уже была в разгаре и казалось, что все вздохнули с некоторым облегчением и принялись за решение проблем насущных, природа снова разразилась своим гневом. Десять дней подряд лил дождь. Бесконечный, холодный, монотонный дождь. Было ощущение, словно огромную тучу поставили на прикол и она изрыгнула из себя все возможное над определенной местностью. Кто определил эту местность в качестве плацдарма для излияния?

И снова все наполнилось сыростью. Непроходящей сыростью, как долгоиграющим насморком. Дышать было сложно. Влажный воздух наполнял легкие водой, и многие страдали от респираторных заболеваний, астмы и непроходящего кашля.

Но несмотря ни на что, радио и газеты вещали, что все хорошо, что погода скоро улучшится и наступит лето. А еще говорили, что жизнь становится лучше и лучше. Верилось с трудом, но человек так устроен, что готов верить во что угодно, лишь бы обмануть самого себя и не сталкиваться с реальными проблемами сегодня. Пусть все случиться завтра, а сегодня я не буду об этом думать. Собственно, данная постановка вопроса была одним из факторов массовых протечек крыш в частном секторе. Никто не позаботился о кровле заблаговременно, считая, что раз одну зиму перезимовали, то и следующую тоже пронесет. Но, как это обычно и бывает, бутерброд непременно падает маслом вниз в самый неподходящий момент.

Было воскресенье, и Джон, Пит и Джейн по обыкновению собрались в импровизированной лаборатории для подведения результатов предыдущих попыток. Воскресенье было единственным днем, когда было возможно полноценно собраться и обсудить течение эксперимента в свободной обстановке. Так сказать, без спешки и цейтнота. На неделе такое было невозможно.

Вольеры шуршали. Чайник шумел. Джон откашливался. Хрипел портативный радиоприемник и каким-то магическим способом сам по себе перескакивал с одной волны на другую. Или это просто были помехи в радиоэфире. Пит стоял около приемника и с некоторым удивлением рассматривал маленького хрипящего монстра.

Пит был подающим большие надежды психологом двадцати девяти лет. Скромно, но чисто одетый, джинсы, рубашка, аккуратно причесан и гладко выбрит – собственно, ничего особенного, но опрятен. Он был пониже ростом, чем Джон, и несколько крупнее в телосложении, хотя постоянное недоедание превратило его комплекцию скорее в плюс, чем в минус: он не выглядел изможденным, как Джон. Бледное лицо Пита было гладко выбрито, волосы причесаны, очки в толстой черной оправе протерты и посажены на нос. Он был свеж и бодр, в отличие от Джона, и был готов приступить к следующему эксперименту, следующей ступени, следующему шагу. Ему нужны были результаты, которые он мог применить в своей работе.

– Слушайте, – Пит увеличил громкость.

Приемник продолжал шипеть, фонить, но сквозь помехи отчетливо слышалось уверенное щебетание ведущей новостного канала.

– Что там опять? – откликнулся Джон из-за вольера.

– Мне кажется, что они все-таки договорятся… – раздумчиво пробормотал Пит.

– Кто – они? – Джейн выглянула из-за кипы бумаг на столе.

– Кто-кто, – нервно передразнил Пит. – Вы что, в самом деле спите, что ли?

– Нет, а что? – Джон вытер руки грязным полотенцем и отошел от вольера.

– Возможно, они договорятся – наши Штаты и их Советы! – саркастично продекламировал Пит, вставая на невысокую скамеечку.

– А, это, – в голос ответили Джон и Джейн.

– Да уж, вы отстали, други мои… Может, они уже все-таки договорятся, может, договорятся, – как-то нараспев продолжал Пит. – А то страху-то на всех нагнали. Бункеров понастроили. Спичками запаслись…

– А, да, есть такое: спички, мыло и консервы «спам». Но, по сути, это совершенно бесполезная затея. Если бабахнет, то ни тех ни других не останется, только об этом догадываются немногие, остальные читают утреннюю прессу и идут тариться всякой всячиной, которая совершенно им будет не нужна.

– Джон, а что бы ты делал, если бы знал, что ядерная война неизбежна? – Джейн снова высунулась из-под кипы бумаг, где она вот уже пару часов старательно вручную переписывала результаты предыдущих опытов в сводную тетрадь.

– Что бы я делал? – отозвался Джон. – То же самое, что и сейчас. Абсолютно то же самое, что и сейчас.

– Ты бы не пошел в бомбоубежище? – воскликнула Джейн.

– Нет, не пошел бы. Нет никакого смысла прятаться. Не погибнешь сразу – погибнешь позже. Выйти все равно придется. И все погибнут от излучения сразу, или лучевой болезни чуть позже, или от рака чего-нибудь еще позже. Какая разница… Хотя постой, разница только в том, что есть уникальная, просто абсолютная возможность продлить собственные мучения на годы. Это да. Не лучше ли… – Джон остановился на полуслове.

– Что? Что «не лучше ли»? – Джейн тщетно пыталась понять позицию Джона.

– Не лучше ли не обращать внимания на данную информацию, – продолжал Джон, – потому что конкретно для нас она ничего не меняет, и просто продолжать свою научную деятельность так долго, сколько это представляется возможным?

– Джон, это безумие, – выдохнула Джейн.

– Почему? – искренне удивился экспериментатор.

– Ну… – смутилась ассистентка. – Хотя бы потому, что все хотят жить… все боятся смерти.

– Ну да, все хотят жить, и поэтому у нас двенадцатая попытка вымирает на фоне полного благополучия? – подхватил разговор Пит.

– А что, это серьезное заявление, – продолжал Джон после небольшой паузы. – Пит, это интересное наблюдение, смею себе предположить… Интересное предположение. Крысы вымирают добровольно, но что бы они стали делать, случись какой-нибудь апокалипсис? Они стали бы бороться за свои жизни?

– М-да… – Пит облокотился на вольер, взбираясь на лавку около вольера и заглядывая внутрь него. – Не думаю, что нам удастся проверить эту гипотезу, хотя было бы занятно.

– Какую гипотезу? – Джейн встряла в разговор.

– Хм. Видишь ли, – рассеянно продолжал Джон, – крысы не желают выживать в идеальных условиях, но Пит выдвинул предположение… А что, если… А стали бы крысы бороться за свою жизнь в неблагоприятных условиях? Я вижу в этом вопросе огромный смысл. Правда, проверить эту теорию у нас не получится. Пока не получится, а там видно будет.

– Понимаю, – протянула Джейн и тут же, словно встрепенувшись, продолжила: – Вы что, действительно ожидаете, что крысы будут строить бомбоубежища?

Джон и Пит залились беззлобным смехом, а Джейн смотрела на них и не понимала, что такого смешного она сказала.

Радиоприемник захрипел и выдал: «Уважаемые граждане, только что правительством Штатов была получена телефонограмма от правительства Советов. В этой телефонограмме Советы призывают заморозить конфликт. А также пообещали отвести свои лодки из нейтральных вод, если Штаты прекратят поставку ракет на континент Советов. Наше правительство ответило нейтрально, но оставило возможность к дальнейшим переговорам и достижению перемирия. Однако мы не собираемся отступать!»

То есть можно было с большей долей вероятности сказать: «Пронесло». И на данный момент можно было выдохнуть с облегчением: опасность миновала. Но это ровно до завтрашнего утра, когда новые утренние газеты начнут пестреть картинками и заголовками, что Советы

во главе с их кровавым диктатором уже погрузили свои пулеметы в проржавевшие корыта – других ведь у них все равно нет – и гребут веслами в водах Атлантики. И вот-вот причалят к берегам Штатов… Ну или что-то вроде того. Подобные статьи выходят регулярно. То есть каждый день. И везде все одно и то же, только в разных интерпретациях, что само по себе не противоречило общепринятому нарративу утренних газет, но требовало недюжинной способности журналистов обмусоливать одно и то же так, чтобы читатель не потерял интерес и не переметнулся к другому изданию. Ну откуда взять столько фактов, чтобы можно было более-менее правдоподобно обрисовать картину происходящего? Вот и придумывалось всякое. А то, что было известно как факт, бралось за непререкаемую аксиому и превращалось в тех китов, на которых зиждился весь мир. Дальше оставалось только дело техники: создать правдоподобную картину мира на грани катастрофы и культивировать некий безусловный коллективный ужас, который бы срабатывал как условный рефлекс при произнесении определенных словосочетаний. Некое «сим-салабим» – и добрая часть населения уже верит… нет, не верит, а точно знает, что все пропало и надо спасаться.

Собственно говоря, некоторая хорошо срежиссированная паника среди населения – это не только плохо, но и очень даже хорошо для отдельных особо одаренных индивидов. Сведущие люди уже подхватили общий тревожный тон настроений и начали раздувать его до небес. Предлагать товары и услуги, по сути своей ненужные, но якобы призванные защищать от наступления лучевой болезни, ядерной войны или чего-то там еще. Уловив едва заметную тревогу среди граждан, умные дельцы начали предлагать уже созданные домашние бункеры и полуоборудованные бомбоубежища, которые надо было просто установить у себя в подвале. Это прекрасная мысль. Однако никто не сообщал потенциальным покупателям, что ядерная зима может продлиться лет десять, а то и сто и в этом случае ничто не поможет.

Раскручивалась феерическая реклама всякого хлама: в ход шли противогазы, резиновые сапоги и куртки, прорезиненные палатки, надувные лодки и прочая утварь, что в былые времена не пользовалась особым спросом. Продажи отдельных товаров в магазинах взлетали до небес и приносили баснословную выручку, хотя в прежние времена эти «отдельные товары» и при очень большой распродаже были не особо-то нужны.

Некоторые особо одаренные дельцы заказывали небольшие статейки у тех же утренних газет, не задаром, конечно, что такой-то и такой-то товар очень нужен, прямо жизненно необходим в условиях блокады, и дальше шла реклама карманных фонариков, детской присыпки, влажных салфеток или каких-нибудь консервов, которые изрядно подзалежались на складах. Главное было не то, что действительно пригодится в случае чего, потому что понимающие люди осознавали, что в случае чего уже ничего не пригодится, а то, что людям надо было продать хлам. То есть – в прямом смысле – продать картинку подороже.

Происходило постепенное расфокусирование жизни как социального явления человека разумного и превращалось в бесцельное отбывание повинной.

Люди переставали спрашивать о возмещении ущерба от холодной зимы с мотивацией: живем так, следующей зимы может и не быть. Проводились собрания членов какого-нибудь правления для решения общих задач. При оглашении окончательной стоимости ремонта того или иного объекта люди, бухтя и возмущаясь, расходились по своим заплесневелым каморкам и продолжали жить в режиме «как получится». И поскольку изменить положение вещей не представлялось возможным, люди продолжали жить в смиренном ожидании незавидной участи: то ли взлететь на воздух вместе с большей частью населения, то ли задохнуться от плесени с отдельно взятыми равномерно распределенными по поверхности людьми, получившими плесень в подарок.

Люди переставали планировать будущее, потому что благодаря газетам это будущее сжалось до настоящего дня и, возможно, до завтрашнего утра. И если нет определенного будущего, нет и необходимости производить так называемые долгосрочные инвестиции в собственную

жизнь: купить дом, машину, пойти учиться… Зачем, если завтра ничего не будет? А вдруг все-таки что-то будет? Это «вдруг» было весьма и весьма неопределенным, хотя каждый в душе надеялся, что именно он-то и выживет. Только в случае ядерной войны живые будут завидовать мертвым. И можно сказать, что – ну вот же, кто-то же все равно выживет. Все равно, да выживет. Но он станет ошибкой выжившего, когда всё, абсолютно всё говорит о том, что такого не должно было случиться, но случилось и по факту является всего лишь статистической погрешностью. Но ведь есть те, кто примет это за аксиому. Что если очень постараться, то можно выжить. И дальше возникнет только один вопрос: зачем?

Идея выжить и остаться в мире, где все будет сведено к выжженному полю, – идея так себе. Это как обнулиться сразу всем человечеством. И будут те, кто особо и не заметит подобное происшествие, за исключением того, что решат, что всевышние силы послали им долгую зиму. Но будут и те, кто потеряет враз все достижения предыдущих поколений, тысячей поколений, миллионов человеческих жизней, которые создали этот мир таким, каким мы его сейчас знаем, с вынесением накопленных знаний в так называемую внешнюю накопительную память. И не то чтобы этот мир был абсолютно прекрасен и идеален – нет, но он достоин того, чтобы быть. Просто быть. В конце концов, мыслители предыдущих эпох хотели бы, чтобы этот мир был, и именно поэтому придумывали разные способы, чтобы зафиксировать свои знания и мысли, создавали свои творения: папирусы, книги, рельефы, мозаики, которые по факту и есть внешняя накопительная память человечества. Хотя время от времени это самое человечество умудряется потерять все навыки – ключи к расшифровке – прочтения и понимания артефактов. А так да, общечеловеческая память есть. Но вспомнить не можем.

Возможно, если бы помнили, то не играли бы с огнем. Возможно, еще не все потеряно в этом человечестве и оно остепенится. Возможно, найдет способ разрешить свой нынешний конфликт мирным путем. Возможно. Какое прекрасное понятие, одновременно дающее надежду и отнимающее ее. Это как верить в то, что смерть не случится, хотя все прекрасно знают, что она неизбежна. Вопрос только в том – когда.

– Должны же быть здравомыслящие люди там, наверху? – без энтузиазма заметил Пит, прохаживаясь вдоль вольеров.

– Должны быть, – подтвердил Джон.

– Но? – Пит остановился и посмотрел на Джона.

– Но их никто не будет слушать. Или так: их мало кто будет слушать.

– М-да…

– Да. Потому что думать глобальными масштабами мало кто способен. Остальные не думают, а рефлекторно подчиняются общему течению, так сказать, общей повестке…

– Неужели? – отчаянно воскликнул Пит.

– Пит, ты сам изучаешь влияние общества на отдельного индивида, а не понимаешь, хотя должен был бы, что куда проще и легче следовать за всеми, чем продумывать ситуацию самостоятельно и делать собственные выводы. – Джон завис над столом, где сидела Джейн. – Что у нас тут получается?

– Ничего особенного, – подытожила Джейн. – Пока все графики без изменений и даже без особых отклонений.

– Понимаешь, Пит, – Джон снова повернулся к Питу, – думать масштабно – это сложно. Вот мы проводим эти опыты, и они как под копирку показывают один и тот же результат. Можно прийти к выводу, что ничто не способно этого изменить. Вымирание неизбежно. Но я знаю, что это не так, потому что в естественной среде так не происходит. И это факт. Значит, есть какие-то факторы, которые мы не учли, поэтому мы имеем то, что имеем.

– И? – будущий психолог пытался раскрутить спутанную мысль экспериментатора.

– Что «и?» – не понял Джон.

– Почему люди не могут думать? – продолжал Пит. – Или так: почему ты считаешь, что люди не способны думать?

– А в мире людей гораздо удобней не думать… Хотя… скорее так: думать о чем-то сиюминутном и насущном, нежели о том, что действительно важно. Важно в перспективе. Те, кто наживается на продаже консервов, сейчас не думают о том, что велика вероятность того, что деньги им не пригодятся в скором будущем. Те, кто покупает эти консервы, не думают о том, что велика вероятность того, что ими не придется воспользоваться. Совсем… Просто потому, что того будущего, которое они себе представляют, может не быть вовсе.

– Угу… – задумался Пит.

– Зачем тогда такая шумиха? – спросила Джейн, снова вынырнув из своих записей.

– Зачем? – переспросил Джон эхом. – Затем, что это создание определенной новостной повестки, так сказать, общего фона, когда внимание людей – наше внимание то есть – переключается с важных тем на малозначительные события.

– Джон, ну не можешь же ты утверждать, что война – это малозначительное событие? – Джейн не сдерживала своего возмущения.

– Война – это важное событие. Но ее нет и вряд ли настанет, если, конечно, где-то не сидит полный идиот. А вот создание шумихи вокруг этого и использование данной темы как мотивации для повышения налогов, игнорирования медицинского обслуживания, урезания грантов на научные проекты, как у нас, поддержка определенных производств и так далее и так далее – это уже определенный нарратив. Нарратив, созданный на основе раскрученной новостной повестки.

– Не понимаю, – честно призналась Джейн.

– Не понимаешь… – обреченно вздохнул Джон.

– Нет, – Джейн таращилась на Джона, как ребенок. Она действительно не понимала, о чем он говорил.

– Человеку надо немного места, чтобы жить и быть счастливым или хотя бы удовлетворенным своей жизнью и заниматься своим, одному ему порученным делом. Правда, человеку надо еще меньше места, чтобы быть мертвым…

– Джон…

– Просто есть определенные особи, которые считают, что они вправе решать за всех остальных, чего и сколько этим самым «всем остальным» надо для жизни, и поэтому начинается… – Джон остановился в раздумье.

– Что начинается? – спросила Джейн.

– Крысиная возня, – уверенно ответил Джон. – Крысиная возня начинается. Крысиная война за власть…

Джейн нырнула в свои бумаги с головой.

Оттепель сопровождалась понижением градуса накала и повышением уровня некоего усредненного доверия сторон. Это как два гангстера протягивают друг другу правые руки для рукопожатия, но при этом в левых держат за спиной по заряженному пистолету. Вроде мир. Но условный. Кто первый моргнет, тот проиграл.

Кто бы понимал, что выигравших не будет.

– Послушайте, – тихо прошептала Джейн, осторожно выглядывая из-за кипы бумаг, – вот там, в Советах, люди живут или нет?

– Джейн, ну что за вопрос? – возмутился Джон. – Конечно люди.

– Почему они хотят на нас напасть?

– Они не хотят на нас напасть, – как-то смиренно и даже отрешенно пробормотал Джон.

– В смысле? – тихо-тихо возмущалась Джейн. – Они же пригнали свои подлодки…

– Да, пригнали. После того, как мы разместили у них под боком свои ракеты, – отрезал Джон.

– А! А зачем… Зачем мы это сделали?

– Джейн, понимаешь, есть люди, которые не любят рассматривать закономерность и неизбежность причинно-следственных связей как аксиому, а потому считают, что им все можно и за это ничего не будет. А так не бывает.

– Джейн, – подхватил Пит, – сначала кому-то в голову пришла совершенно безумная идея попугать соседа пистолетом, и этот кто-то не рассчитывал, что у соседа есть дробовик и пара ручных гранат. А после того, как сосед пригрозил гранатой, умник начал орать на всю улицу, что его обижают, что ему угрожают. Так понятней?

– Да, понятней… – бубнила Джейн. – Понятней, но не легче.

– Ну и хорошо, – почти в голос произнесли Джон и Пит, а дальше продолжил Пит: – Победителей не будет.

– А выживших? – встрепенулась Джейн.

– И выживших тоже. И вообще, ты бы не захотела выжить в условиях ядерной войны.

– М-да… – насупилась взволнованная до слез ассистентка.

– Да, выигравших не будет, мы все будем проигравшими, – подытожил Джон.

Люди проиграют все. По инициативе одного человека или небольшой группки альтернативно одаренных людей проиграют все. Тысячи лет человеческой цивилизации пойдут коту под хвост вместе со всем тем, что это человечество из себя представляет. Это сложно представить, но даже если достижения человечества останутся нетронутыми, они потеряют всякий смысл, потому что не останется никого, кто бы помнил, для чего то или иное сооружение, изобретение, устройство и как его использовать. Очень быстро не осталось бы тех, кто мог бы вспомнить и, главное, воссоздать уже наработанные технологии. Результатом явился бы откат в развитии. Глубокий откат в развитии. До копья и пещеры. Однако будут те, кто, несомненно, выиграет в этой ситуации. Выиграет плесень. Она, несомненно, останется. Главное, чтобы было влажно и тепло. Хотя даже если так случится, что этого не будет какое-то время, она это переживет. Закапсулируется и переживет. Не переживут все остальные.

Глава 4.
Кресты

Вернувшись от омшаника уже по темну, растопил Борис Алексеевич печку, поставил горшочек с промытой ячкой в пристенок да сам сел чай пить. Вот уже третью весну он встречает здесь, в отчем доме, и за это время успел завести свои правила жизни. Ритуалы, что ли. С вечера горшочек с крупой в пристенок поставить, чтобы с утра каша была наваристая, с утра воды наносить на день, чтобы весь день была в достатке, в субботу – баню топил, в воскресенье – постился и к крестам ходил в молитве.

За баней, вниз по склону и чуть левее, была небольшая равнина между пологами, там его семейная усыпальня отыскалась. Ну как отыскалась. Почти наощупь, потому как, когда он первый раз нашел место, от нее практически ничего не осталось. Разгребая бурелом, ветки, мох, спрессованную листву, нашел тогда Борис Алексеевич остатки надгробных крестов и две таблички: одна матери и сестренки, а вторая отцова. И решил он тогда твердо, что надо будет вернуться и все поставить как было.

Кусок земли на краю света с ушедшей под землю избой, крестами с крышами и узенькой лавочкой вдоль склона на несколько лет стал для него заветной мечтой. И вот он здесь. Теперь он приходил сюда исправно по воскресеньям – на лавочке посидеть, подумать. Лавочка та установлена была на двух бревнышках так, что если сесть на нее около могил, то лицом непременно обернешься к ложбине и перед глазами вид откроется изумительный: иссиня-розовая, в изумрудных прожилках голубых алтайских елей противоположная гора, над которой разлилась небесная синь. И верной чередою, как корабли небесного флота, клубами облака уходили вдаль.

Борис Алексеевич хорошо помнил, что, когда он сам мальцом был, его отец сюда уходил по воскресеньям, чтобы с матерью посоветоваться, поговорить, с нерожденной дочкой мысленно помиловаться, помечтать да о душе подумать.

Так теперь и сам Борис делал.

– Ты, Аннушка, не обессудь, – как-то, еще в далеком отрочестве, невольно подслушал Борис разговор отца с усопшими, – я Бориса в военное училище отправлю…

Воцарилось краткое молчание. Только деревья шумели кронами и ветер тихонечко посвистывал в крестах.

– Да, помню, помню я, Аннушка, что мы с тобой условились отправить сына в ремесленное училище. Только видишь, как получается, времена нынче смутные, вести приходят одна хуже другой…

Порыв ветра заглушил голос отца на мгновение. Или, может, отец тоже замолчал.

– Надобно парню муштры привить да голову на место поставить, а то так и лишиться ее недолго. Этой самой головы-то. Понимаешь?

Все снова стихло, и отец тоже долго сидел и молчал. Борис видел его сквозь кусты дикой акации, что почти отвесно свешивались с подъема холма.

– Эх, душа моя, видела бы ты, каким парень стал ладным, сердце бы твое порадовалось. И смышленый он, и добрый, и отзывчивый, только вот слишком доверчивый. Оттого надо его к делу пристроить, чтобы мозга была начеку.

Помолчал.

– Да ты, небось, видишь все. Все знаешь. И каким Борис стал, и как мы живем без тебя, и как я тоскую по руке твоей горячей и взгляду ласковому. Эх, душа моя, какая же ты отрада была для меня, и как же мне горестно теперь… без тебя.

Плакал ли отец, неведомо, только сердце у Бориса чуть не разорвалось на кусочки, потому как воспоминания, которые он упорно гнал прочь, нахлынули на него, и он сам чуть не разрыдался. Мать всплыла в его сознании так отчетливо, что ее можно было потрогать. Наверное, ее можно было бы потрогать, если бы были силы руку протянуть. А сил не было.

– Ты, душа моя, – продолжал отец, – обними от меня дочку нашу богопреставленную. Я ее тоже Аннушкой прозываю, потому как не ведаю имени краше. А я Бориса обниму от тебя, лады?

Борис услышал, как шаги отца стали приближаться к нему, но не шелохнулся. Найдет его здесь отец – отругает. Ну и пусть. У Бориса не было сил подняться. Его словно обескровили, обессилили, чувства и воспоминания нахлынули, придавили и не давали подняться.

– Ты чего здесь сидишь? – спокойно спросил отец, подходя ближе.

– А мама слышит? – шепотом спросил Борис отца.

– А? – Алексей Петрович хотел было отойти от разговора.

– Тятя, а мама слышит, как думаешь? – не отступал сын, кое-как поднявшись и, качаясь, последовав тропинкой за отцом вверх по склону.

– Думаю, что слышит мама или не слышит – не так важно. Важно, что я слышу то, что я ей рассказываю.

– Как это?

– Так, Борис. У нас нет ни доказательств, ни опровержения существования высших сил, однако это не имеет никакого влияния на веру человеческую. Вера – она сильнее фактов. – Отец замолчал, а потом очень задумчиво добавил: – Вера всегда сильнее фактов, ибо не ограничена материальностью, не ограничена условностью, не скована доказательствами. Вера – она либо есть, либо… и жизни нет.

– Угу… Она в душе, – понимающе кивал Борис.

– Да, в душе. В сердце, – размеренно чеканил отец, – Иногда вера – это единственное, что остается человеку, и последнее, что держит человека в миру.

– Угу…

– Единственное, что не дает человеку погрузиться в пучину отчаяния.

– А я могу с мамой поговорить? – осторожно спросил Борис.

– Можешь. Только не жди, что услышишь ответ. Не услышишь, но почувствуешь в сердце.

– А ты чувствуешь?

– Да, Боря, я чувствую… – очень рассеянно и как-то задумчиво рассуждал отставной офицер царской армии Алексей Петрович. – Чувствую ее, как дыхание июля или ночную грозу, когда пустота в груди заполняется теплой негой и не хочется шевелиться. Я знаю, то мать твоя надо мной стоит, не иначе.

Призадумался Борис, как это мать приходит к отцу, когда она умерла и похоронена, и не понимал оного, пока однажды мать к нему самому во сне не явилась. Был то очень краткий момент, но Борис пережил и принял понимание, что есть нечто большее, чем он сам, и что мать его в нем самом до тех пор, пока он жив.

Тогда, в 1919-м, Борис не довез отца до монастыря, как тот хотел. Не довез, потому что везти в монастырь остывшее тело не представлялось верным решением. И тогда Борис с телом отца вернулся на хутор.

Схоронить покойника он хотел в тот же день, дабы не случилось чего. Но все получилось иначе.

Неважно, что солнце уже катилось с зенита. Надо было схоронить. По-божески, надо было бы и отпеть тоже, только ближайшая церковь в сорока километрах отсюда. Отец, верно, учуял близкую смерть, что так стремился в монастырь, чтоб там отпели по-человечески.

А теперь что? Куда по жаре повезет Борис усопшего отца? Еще двадцать километров с покойником на подводе?

В общем, обмыл Борис Алексеевич отца как мог на столе в сенях, переодел во все чистое, завернул в простыню и в покрывало. Достал иконы и зажег церковные свечи. Прочитал молитву, потом другую. Потом сел возле отца и заплакал. Долго плакал. И не заметил, как уснул, опершись о стол руками и уронив на них голову.

И увидел Борис во сне отца. Тот стоял в сенях, собирал торбу с пчелиным скарбом и, как бы вполоборота повернувшись к сыну, разговаривал с ним.

– Что вот ты хандришь, Борюня? Чай, не барышня. Соберись, – очень спокойно, не отрывая глаз от работы, говорил отец.

– Так вот как же так, отец? Нет тебя! – в сердцах всхлипывал Борис.

– Ну, нет, – подтвердил отец. – Что ж теперь поделать?

– И не доехал я с тобой…

– Ну, не доехал…

– И тебя нет, – плакал Борис.

– Теперь нет. Однажды и тебя не будет.

– Когда?

– Долго еще… Важно не то, когда, а то, что ты сделаешь.

– А что теперь делать-то? – собирая себя в руки, говорил Борис. – Один я.

– Один. Всяк один сюда приходит, так один и уходит. А пока жизнь есть, жить надо.

– Как, тятя?

– Помнишь, ты тогда совсем маленьким был, я сказал тебе, что не царю надо служить, хоть и присягаем мы ему на верность, а стране, земле своей то есть. Так вот… – отец оторвал взгляд от полусобранной торбы и внимательно посмотрел на сына. – Иди и служи земле нашей. Некому стало защищать ее, родимую. Стало быть, ты ей нужен.

– Я? – возразил было Борис.

– Да, ты! Кому-то надо стоять на страже в головах у матери, ибо, не ровен час, угробят ее бесноватые.

Отец встал, перекинул лямку торбы через плечо, надел шляпу пасечника с задранной вверх сеткой, набросил куртку на руку и вышел из сеней в ночную кромешную тьму.

– Отец… – прошептал Борис.

– Иди, Борис, поклонись матери и иди служить земле нашей.

Сон прервался так же неожиданно, как начался. Борис вздрогнул от внезапности собственного пробуждения. Было совсем темно. Часть свечей погасли на блюдце, захлебнувшись в собственном расплавленном воске, но одна свеча еще горела, и в ее дребезжащем свете виднелся стол с покойником, иконы в головах да чашка с сухим рисом. Дальше виднелись полки с утварью, ведра цинковые на лавке, на стене ковши и банные веники. В сенях было холодно, но Борис не пошел в избу, а остался сидеть в ногах у усопшего отца и обдумывать только что увиденный сон.

По всему получалось, что надо было ему возвращаться. Только куда теперь возвращаться, непонятно было. И там не те, и тут не эти, и совсем непонятно, куда идти, к кому примкнуть. И ладно бы хоть понятны были идеи противоборствующих сторон, так ведь и там и там кричат «за равенство и братство». Поди пойми, кто из них говорит правду. Может быть, и те и другие, только что равенство и братство подразумевают разные. А отец наказал не людям, а земле служить. Как же ей служить-то? И ее саму-то не спросишь…

Так, погруженный в свои раздумья, просидел он до самого рассвета. А с рассветом принялся могилу копать рядом с могилой матери и мертворожденной сестренки. Пока копал могилу отцу, подумал, что крест матери надо бы приподнять и выправить. Покосился он от снегов весенних. Потом подумал, что он и отцу-то креста не вырубил.

Долго рубил и тесал крест из иссохшей ели. Все как положено: остов, три перекладины, две параллельные – одна поменьше, другая побольше, да третья наклонная, под ноги. Крышу сверху приладил. Имя вырезал на цельном куске дерева: Гурин Алексей Петрович, 1839—1919. Стало быть, отцу восемьдесят лет было бы в этом году.

Похоронил он отца, сел и заплакал. Нет большего горя у человека, чем оказаться выкинутым из привычной жизни и остаться никому не нужным. Причин на то может быть много. У Бориса же как-то одно наложилось на другое: и в мире огромном что-то все время сыпалось нещадно, и отец – единственный и последний родственник – умер как-то почти внезапно. Куда теперь? Да, Борис помнил: идти земле служить, – только он смутно представлял себе этот путь.

Не знал тогда Борис Алексеевич, что путь этот будет длиною в сорок лет и приведет его туда же, где он сейчас находится. Ровно на том же месте будет сидеть он, как и много лет назад, и вглядываться в серебристую дымку над иссиня-розовой горой, покрытой облаками. И будет в его душе вопрос спрашиваться: так зачем же нужна была эта дорога длиною в жизнь, ежели никуда она не привела? Никуда – в смысле, ни в какое другое место, а привела все в то же, отцово.

Не предполагал он, что этот крюк станет тяжелым испытанием на терпение и выносливость. Крюк, сопровождаемый бесконечным одиночеством. Это такое состояние, когда живешь среди людей, каждый день видишь их и даже взаимодействуешь с ними, но не понимаешь их до конца и не разделяешь с большинством из них ни взглядов на жизнь, ни ценностей жизненных.

Не осознавал тогда Борис, что в годину тревоги и сомнений будет он мысленно обращаться к отцу за советом и подмогой, но никогда не возвращаться сюда. Не возвращаться домой на хутор даже мысленно. Он будет жить так, словно не было в его жизни ничего до службы его земле и не будет ничего после. А вот слова, что служить надо земле, а не царю, хоть и присягаем царю на верность, всегда будут в памяти выгравированы. Возможно, благодаря этому он и выстоит, вынесет свой крест.

Когда крест отцу был готов, вкопал его Борис Алексеевич на могиле. Поправил крест матери и сел в тени лицом к пропасти. В голове было тихо. В груди пусто.

«Вот ведь дело какое. А когда я помру, кто мне крест тесать станет? Кто знает, какой крест надо вырубить? Может, мне сейчас и себе крест вырубить да поставить в сарай? Пусть стоит. Что ему сделается? Хотя… А ну как я не вернусь сюда? А крест в сарае стоит. Вдруг кто найдет – решит, что там покойник. А там никого нет».

Долго метался в раздумьях Борис. Все происходящее вдруг показалось ему совершенно нереальным, неправдоподобным. Даже собственные мысли. Зачем ему крест сейчас? Нехорошо это. Нет. Ему еловый крест не нужен. А нательный он на себе понесет… Как положено.

Вскинув руки за голову, откинулся на крутой склон за спиной, закрыл глаза и подумал: «Все это пустое. Мне только двадцатый год пошел. Никого больше нет. Какая разница, какой крест мне будет? Тятя, когда я его в монастырь вез, говорил, что совсем нет никакой разницы, в какой церкви Богу молиться. Ибо если Создатель с нами, то он из любого дома услышит, а если оставил, то и неважно, в какой церкви молитвы петь да псалмы читать, – никто не услышит».

Ветки деревьев качались над свежей могилой и простирались в обрыв. Тени прыгали по лицу юноши, успокаивали взорвавшееся сердце и усмиряли разрозненные мысли.

«А коли так… Коль все равно, ибо что так, что этак, жить надо и смерти не избежать, надо вставать и идти, исполнять, что отец велел перед своим отходом в мир иной. Только вот непонятно, как это я буду служить земле нашей, когда…» Мысли замерли. Пустота разливалась внутри Бориса и выплескивалась наружу сонмом бессмысленных и бессвязных предощущений. Он не находил в себе силы, да и желания, собрать думы и самому собраться в кулак,

упорядочить внутреннее и внешнее состояние и выйти из отрешенности. Чувство обреченности и неизбежности чего-то страшного захлестнуло нутро и поглотило парня.

Поглощенный тяжелыми думами, приноравливался Борис и никак толком не мог приспособиться к мысли, что он один, что ему идти в мир надобно. Что так надо. Надо. Все было туманно – как с этим справиться и как это вынести. Как с этим теперь жить дальше…

А потом, через неделю, запряг подводу, закрыл дом, забил ставни, поклонился могилам и отправился сначала в Усть-Кам, потом в Байск, а оттуда – дальше в столицы. Как велел отец ему перед смертью – идти служить земле своей, ибо некому ее защитить боле.

Теперь, много лет спустя, когда солнце стало подниматься выше над горами Алтая, согревать долины и протапливать тропы в снегу, ходил Борис Алексеевич к омшанику почитай каждый день, чтобы пчел своих навещать, кого лечить, кого подкармливать. Зима была долгая, холодная. И ежели не все оклемаются, то так тому и быть. Займется восстановлением утраченного.

Последние два года, забыв обо всем на свете и о самом том свете, он успешно разводил пчел. Те матки и зачатки семей, что он привез с собой, сразу при переселении прижились и дали потомство, то есть разродились рабочими пчелками, детками, новыми матками. Понятно, что к тому лету он готовился целых четыре лета. Омшаник возвел заново, ульев сколотил с два десятка, рам натянул, поляну расчистил на опушке. Да так ладно у него это получилось, что все двадцать ульев всегда были на виду, а с той стороны поляны, что выходила к лесу, длинные бревна уложил как изгородь да приделал к ним маленькие колокольчики. Только тронь – и зазвенит вся конструкция. Эта музыка была, конечно, сооружена для хозяина тайги, чтоб не хаживал тут часто. Однако бывало такое, что в непогоду колокольчики звенят-звенят, Борис Алексеевич бросается туда-сюда с ружьем, а там никого, кроме ветра одного. Набегается пасечник да уснет потом мертвецким сном. А когда проснется и непогода кончилась, уже и ульи поразворочены. Приходил, значит, все-таки хозяин.

– Ну что же ты… – в сердцах бубнил Борис Алексеевич, восстанавливая потрепанное ограждение. – Приходил, наследил, делов наворотил…

Ничто особо не расстраивало Бориса Алексеевича. Он ко всему относился с пониманием. И к тому, что зверь есть зверь. И к тому, что природа есть стихия. И к тому, что он ушел однажды отсюда неподготовленный и растерянный. И к тому, что скитался по миру в деле исполнения своего служения земле своей – послушания в миру – целых сорок лет. И к тому, что однажды вернулся… Или земля его родная сама к себе вернула. Однажды. Почти случайно.

Потом он еще несколько лет готовился, чтобы снова оказаться здесь, теперь уже навсегда. Он спокойно относился к той подготовке, ибо понимал, что все это и есть путь к чему-то большему и высшему. Не торопился, приезжал набегами, когда придется. То есть когда отпускали больше чем на две недели. Нечасто так бывало, но он сам заранее стал готовить себе замену в департаменте и открыто говорил о своем намерении отойти от дел в обозримом будущем.

– Ты, Борис Алексеевич, совсем Советам служить не хочешь? – сокрушался Николай Петрович.

– Я служил, – спокойно отзывался Борис Алексеевич, – и теперь пока еще служу.

– Да, но уходить собираешься… – Николай Петрович замялся. – Не хочешь больше?

– Эх, странный ты, Коля, хочу – не хочу…

– Ты же ведь сам понимаешь, что времена теперь трудные и каждый знающий человек теперь на особом счету.

– Времена всегда одинаковые, – размеренно говорил Борис Алексеевич.

– Скажешь тоже!

– Времена всегда одинаковые – трудные. – Борис Алексеевич оторвался от своих записей и поднял глаза на Николая Петровича, сидевшего за другим столом напротив. – Не бывает легких времен, не бывает.

– Ну да, но не так…

– Сорок лет назад времена были тоже трудные. Очень трудные. Смутные.

– Это да, – соглашался Николай Петрович.

– И тогда ведь даже непонятно было, кто свой, кто чужой, за кого встать, против кого воевать. А теперь все ясно.

– Отчасти ты прав… Только оттого не легче.

– А легче не будет, – уверенно продолжал Борис Алексеевич. – Легче не будет.

– Хм-м…

– На это не надо надеяться, – Борис Алексеевич ясно понимал, что его мысль проста, но неочевидна. – Надо верить и на высшие силы уповать. Но легче не будет.

– А раз легче не будет, значит, такие люди, как ты, Борис Алексеевич, незаменимы в нашем деле.

– Незаменимых нет.

– Ну скажешь тоже! Незаменимых нет, – возмутился Николай Петрович. – Тебя вон поди замени.

– Незаменимых нет, Коля, окромя отца и матери да Всевышнего. Остальное все преходящее.

– Борис Алексеевич, вот ты меня уже полтора года подтягиваешь, а я вот чувствую, что мне еще далеко, ох, как далеко до тебя.

– А тебе зачем до меня?

– Хм-м?

– Тебе, говорю, зачем до меня, Коля? – спокойно спрашивал Борис Алексеевич, снова склонившись над своими бумагами. – Тебе надобно до себя дорасти. До себя дотянуться – и этого будет достаточно.

– Ну да, ну да, – рассеянно соглашался Николай Петрович.

– Нам каждому отведено свое место и своя роль в этом мире, и совершенно негоже пытаться стать кем-то другим. И еще хуже – пытаться занять чье-то чужое место.

– Хм-м?

– А у тебя все получится, – уверенно продолжал Борис Алексеевич, – у тебя все получится. Вот увидишь.

– Тебе легко говорить, – растерянно бубнил Николай.

– Вот увидишь, все получится. И вообще, всему свое время, свое место и свое значение. Все в мире неспроста, Коля. Нет, неспроста. Это судьба. Крест, так сказать.

– Крест?

– Ну да. Знаешь, я когда отца в девятнадцатом году похоронил, хотел было и себе еловый крест сделать. Сразу, так сказать… – Борис Алексеевич замолк на минутку, а потом продолжил: – А потом передумал. И кажется мне теперь, что свой крест я по земле носил, носил, пока в той командировке домой не вернулся.

– Руководство послало, вот ты и попал к себе домой, – обыденным тоном подытожил Николай Петрович.

– Верно мыслишь… – с лукавым прищуром согласился Борис Алексеевич. – Верно мыслишь. Руководство послало, мы поехали, верно? Ну, вот и мое послушание в миру медленно подходит к концу.

– Послушание?

– Да, Коля, послушание – это служение такое по наказу…

– И кто же тебя послал на это послушание?

– Отец, – тихо ответил Борис Алексеевич. – Отец мой покойный послал меня на служение земле своей, что я и исполнял честно и долго.

– Не понимаю…

– Да нечего тут понимать, Коля. Каждому свое, – объяснил уклончиво, ибо понимал, что не каждому и не всегда надобно все объяснять как оно есть. Человек так устроен, что очевидного видеть не желает, зато додумывает несуществующее. А еще любит сильно приписывать себе чужие заслуги, например, высшее провидение. Так что не стал ничего бывший советник и будущий пасечник объяснять своему преемнику, потому как рано, наверное, и не к месту.

Теперь же, когда он вернулся, установил Борис Алексеевич свои обычаи и любил соблюдать их как священные ритуалы. Обычаи, которые формировали его жизнь в цельную картину и наполняли живительным смыслом все его одинокое, но обетованное существование.

Так, по устоявшемуся обыкновению, любил Борис Алексеевич ходить на верхний участок пасеки. Там было особое место – лысое место.

Любил он рано утром подняться и стоять на утесе – лысом месте с большим камнем – и смотреть в туманную сырость. Она, по обыкновению, лежала густой пеленой между двух гор, в глубокой пойме реки. Не видно ни зги. Ничего, кроме камня, нескольких деревьев и обрыва. Борис Алексеевич обычно стоял у края обрыва или садился на валун, смотрел в пелену тумана и ни о чем не думал. Время останавливалось. Замирало. И только пространство продолжало изменяться. Медленно изменяться. Бесшумно. Словно боясь побеспокоить время, увязшее в пелене пространства.

Потом где-то далеко-далеко первый луч непременно пробивался из-за горы, выхватывал из пелены тумана очертания гор, и время снова вырывалось на свободу и начинало бежать как положено… И даже еще быстрее, словно стремилось наверстать упущенное.

И пространство, и время – понятия постоянные, абсолютно постоянные и постоянно меняющиеся. Как две незыблемые константы в пластичности постоянства, находящиеся в постоянном изменении. Без изменения пространства невозможно ощутить время, без времени невозможно понять пластичность пространства. Одно с другим, как нитка с иголкой, прошивают весь мир и жизнь, что в нем заключена.

Глава 5.
Фабрика

Огромные окна старой фабрики заливали светом обшарпанные стены с облезшей краской. По большей части ни краски, ни штукатурки уже не осталось, и по всему периметру были видны красные кирпичные стены с торчащими тут и там кусками арматуры и старой электропроводки. Трубы проходили по стенам прямо посередине помещения. Ни о какой эстетической выверенности данного помещения говорить не приходилось. Все носило чисто утилитарный характер: тут нужна труба – будет труба, тут нужна подпорка – будет колонна. Какая колонна? Неважно. Металлическая балка, предназначенная для перекрытий? Отлично. Укрепление из пеноблоков? И так сойдет, пока работает. Главное, все держится.

Где-то высоко наверху монотонно шумели лопасти двух уцелевших из четырех существующих потолочных вентиляторов. Это была единственная возможность гонять спертый воздух по огромному помещению. Отдельные части окон все время были открыты, но они не давали большого притока свежего воздуха, и поскольку в помещении находилось много живых существ, воздух время от времени становился спертым, душным, затхлым. Таким плохим, что приходилось открывать настежь большие части окон и проветривать помещения в интенсивном порядке.

Между деревянными коробами стояли деревянный стол и несколько старых стульев. На столе было много грязных кружек из-под кофе, обертки от еды и шоколадок, неровные стопки бумаг и несколько журналов в жестком переплете, сложенных с одного края стола. Это были журналы наблюдения за эволюцией крыс. Один журнал – одна попытка, то есть один эксперимент. Кроме этого, были еще рукописные книги, содержащие записи наблюдений исследователя. Развитие и упадок каждой такой маленькой крысиной цивилизации. На корешках рукой было написано, какая по счету это была попытка.

Время от времени Джон перелистывал и перечитывал некоторые тетради. Монотонно переходил от одного вольера к другому, наблюдая за развитием событий. Вот и теперь Джон оторвался от вольера с молодыми парами крыс и подошел к другому коробу, где на дне разрозненно копошилось несколько – штук десять – изможденных особей, отсаженных из предыдущей попытки. Они несколько хаотично и нервно передвигались по вольеру, не обращая внимания друг на друга. Временами вжимались в перегородки вольера, словно прячась и ожидая, что сейчас что-то должно произойти. Замирали так на некоторое время, поднимаясь на задние лапки, тревожно внюхивались в затхлый воздух и нервно подергивали ушами. Потом, словно успокаиваясь, опускались на четыре лапы и медленно отходили от перегородок. Поведение крыс сильно напоминало тревожное расстройство у людей или посттравматический синдром. Что-то где-то все время кажется, все время мерещится. Что-то, где-то, кто-то все время не так. Все напряжено и снаружи, и внутри и вот-вот даст сбой или порвется. А может, и не мерещится вовсе, только объяснить до конца суть происходящего ни крысы, ни тревожные люди не могут. Они просто поддаются внутренней уверенности, что реальность обманчива и ничему и никому нельзя доверять. Даже самим себе.

С другой стороны, люди – они разумные существа. Они создали человеческую цивилизацию, и это не совсем корректно, а точнее, совсем некорректно – сравнить грызунов с людьми. Или людей с грызунами. Люди связаны сложными социальными взаимоотношениями, внутренними взаимосвязями, установленными правилами, устоявшимися традициями и прочими атрибутами высокоорганизованной жизнедеятельности. Причем правила, законы, традиции сильно разнятся внутри человеческой популяции в зависимости от географической, этнической, социальной, классовой, кастовой и так далее принадлежностей.

Если же допустить, что элементарная иерархия внутри крысиного сообщества является основополагающим фактором и играет центральную роль в деле сохранения популяции, то следует отбросить тот факт, что всякое живое существо действует на основе безусловных рефлексов. Тех самых базовых безусловных рефлексов, которые воссоздали то животное и растительное многообразие на планете, которое мы имеем на сегодняшний день. И конечно, ученым было известно об исчезновении разных видов животных, но причины их вымирания всегда назывались внешние, то есть не зависящие от действий или внутреннего организационного устройства определенного вида животных.

Однако вследствие уже проведенных опытов, двенадцати попыток, многое в поведении животных оставалось непонятным и в некотором смысле мистическим. Нет, конечно, исследователи не ожидали стопроцентного подтверждения своей гипотезы, что в благоприятных условиях животные будут размножаться до огромной численности и такое бесконтрольное размножение приведет к захвату всей земли уж если не с помощью интеллектуального доминирования, то с точки зрения численного превосходства. Исследователи, особенно Джон Келлон, ожидали хотя бы частичного подтверждения данной теории. Но гипотеза о захвате земли крысами никак не подтверждалась с экспериментальной точки зрения. Крысы размножались до определенного уровня, а потом просто переставали интересоваться друг другом и в конечном счете вымирали.

И вопросов с каждой попыткой становилось все больше.

Например, почему не все кормушки использовались? Почему не все поилки использовались? Предоставленные блага были рассчитаны на всю популяцию и, кроме того, увеличивались по мере того, как увеличивалась численность животных в вольере. Но нет, не все кормушки и поилки использовались. Без всякой видимой причины часть кормушек оставались нетронутыми.

Почему некоторые самцы становились изгоями или франтами и не хотели заводить самок? Почему появлялось мужеложство? В естественной природе мужеложство появлялось в экстремальных ситуациях, когда особей одного пола становилось значительно больше, чем особей другого пола, то есть, например, самцов в три раза больше, чем самок. Но почему это явление появлялось в вольерах, было совершенно непонятно, потому что и самцов, и самок было практически одинаковое количество.

Почему самки переставали гнездоваться? Почему они бросали свое потомство? В природе такое тоже случается, но, как правило, такое явление сопряжено с экстремальными внешними условиями и опасностью. В случае вольерных экспериментов опасность была полностью исключена, так как не было ни хищников, ни болезней, ни опасности, за исключением собственных сородичей. И тем не менее по мере увеличения численности популяции самки планомерно начинали бросать свое потомство на произвол судьбы, и «уговорить» их заняться семьей и гнездом не представлялось возможным.

Почему? Почему? Почему?

Этих вопросов было слишком много, и ни одного приемлемого ответа, потому что на каждый из таких ответов можно было возразить: «Но ведь мы сделали и предоставили крысам то-то и то-то. Почему они этим не воспользовались? Или воспользовались, но как-то частично, в смысле использования как самого предмета, так и возможности использования данного предмета всей популяцией без исключения».

И вот еще что… Ну кто сказал, что они не воспользовались? Очень даже воспользовались, просто не все и не в том назначении, которое предполагалось исследователями. Джон предполагал, что на каком-то этапе размножение будет взрывным, но он также предполагал, что эти пики стагнируют и дальше размножение крысиной популяции пойдет по плавной кривой вверх. И никогда – вниз. Но получалось… Получалось что получалось, и совсем не по сценарию.

– Кофе? – произнес голос где-то у входа.

– А, Пит, как хорошо, что ты пришел… – продолжил Джон, поднимаясь на скамейку у дальнего вольера.

– Пришел, пришел, – бубнил Пит, проходя внутрь. – Боже, как тут воняет…

– Окна открыты, – посетовал Джон. – Вот смотри…

– Кофе, – перебил Пит.

– Да, спасибо, – поблагодарил Джон и пригласил Пита подняться на скамью у вольера. – Вот смотри. Они опять нервные. Их остается всего ничего, они друг другу не мешают, но все они какие-то нервные. Нервные и пугливые, хотя ничего не происходит. Ну совсем ничего.

– М-да, я вижу.

– Они перестали есть и пить, – Джон методично обходил вольер по периметру и указывал руками на кормушки и поилки внизу. – Они не интересуются друг другом, и, да-да-да, они не хотят спариваться.

– То есть они приняли бессознательное коллективное решение умереть, – бодро продолжил Пит.

Джон осмотрел его с ног до головы и возмущенно произнес:

– Да что ж это такое?! То Джейн выдвигает теорию музыки, а теперь ты… Но они же не люди…

– Ну и что? Не люди. Но жить вот так они больше не могут и не хотят, поэтому и размножаться тоже не видят смысла. А что сказала Джейн?

– Джейн сказала, что им не хватает музыки… – усмехнулся Джон и тут же уточнил: – Крысиной музыки как результата положительного стресса.

– Это мысль… – продолжил Пит.

– Да?

– Да, может, и не музыка… – задумчиво произнес Пит, словно прокручивая в своей голове какие-то доводы за и против. – Может, и не музыка, но жить вот так они больше не хотят.

– Но они же не знают, что есть… Что существуют в природе другие условия для жизни. Эти особи, – Джон тыкал в крыс внизу в вольере, – никогда не знали ничего другого, кроме этого вольера. Они здесь родились. Более того, их родители, бабушки и дедушки здесь родились, и вообще, ты хочешь сказать, что крысы могут передавать информацию друг другу о другой среде, начиная с самых первых пар?

– Ну… так категорично я бы не заявлял, – Пит понимал, что крысы вряд ли вели хронологию своей крысиной жизни, – но каким-то образом они, крысы, в который раз приняли решение самоликвидироваться. Это самоликвидация, – подытожил он.

– Пит, подожди. Какая самоликвидация? – Джон неуклюже спрыгнул со скамейки и направился к столу. – У всякого живого существа есть стремление к жизни. Оно заложено самой природой… Надо просто найти причину, почему так происходит. Понятную, логичную причину.

– Найти причину самоликвидации, ты хочешь сказать?

– Ну, как хочешь, – согласился Джон. – Пусть будет причина самоликвидации. Однако я настаиваю, что живые существа – животные – не способны на сознательную регуляцию численности своей популяции. Я настаиваю на том, что животные руководствуются первоначальными и естественными животными инстинктами, которые прежде всего заключаются в выживании и размножении.

– Почему ты не допускаешь наличия внутренней причины самоликвидации?

– Потому что это крысы! – беззлобно возмутился Джон. – Какая самоликвидация?

Самоликвидация. Какая интересная концепция – самоликвидация. То есть особи некоторого вида жили себе, жили в условиях, приближенных к идеальным, где всем хватало и воды, и еды, и воздуха, и места, а потом вдруг раз – и решили самоликвидироваться? Что-то тут

не вяжется. Не укладывается в логический ряд. И либо логический ряд не совсем логичный, либо не все вводные данные мы имеем на руках.

Это как с какой-нибудь аналитической программой в компьютере: туда вводят определенные данные и на их основе получают максимально оптимальный вариант развития событий. А что, если вводных данных больше? И нам неизвестны все данные. Поэтому и результат получается такой странный. Вот уже в который раз Джон и Пит, удивляясь полученному результату, пытаются понять, что за массовый психоз нападает на клинически здоровых крыс, и они перестают есть и пить, перестают спариваться и гнездиться и в конце концов все вымирают. У ученых не было никаких более-менее правдоподобных объяснений этому феномену. Даже если принять во внимание, что в определенный момент времени крыс становилось настолько много, что они с трудом делили пространство, все равно не было объяснения этой так называемой ликвидации, потому что особи всегда могли и зачастую вели войны между собой за пространство, еду, самок, влияние и так далее. Таким образом более сильные особи отвоевывали себе жизненное пространство и доступ к ресурсам. Собственно, в этой части эксперимента не было ничего необычного. Все развивалось прямо хрестоматийно, если можно было так сказать. Но вот потом, после определенной фазы, когда численность популяции стагнировала и, условно говоря, каждая особь приобретала свое место, вдруг крысы переставали интересоваться друг другом. Ну, не то чтобы совсем вдруг, это начиналось в предыдущую фазу, но приобретало всеобщий масштаб после стагнации численности.

И была совершенно туманна причинно-следственная связь, которая приводила к вымиранию популяции. Единственное, что было совершенно очевидно, – это то, что внутреннее социальное устройство крысиного сообщества оказывалось на поверку сложнее, чем ученые могли себе предположить в начале проекта.

– Послушай, Джон, – несколько отрешенно продолжил Пит. – Знаешь, вот есть такое явление, как массовый психоз.

– О боже! – воскликнул Джон.

– Нет, ты послушай! – Пит тщетно пытался высказать свое мнение по поводу происходящего.

– Нет, Пит, ты послушай. Если мы начнем на полном серьезе оперировать терминологией человеческой психологии, то мы зайдем очень далеко, очень. И все вот это закончится очень плохо.

– Джон…

– Нет, Пит, подожди, – оборвал Джон Пита. – И дело не только в том, что мы не можем приравнивать людей к животным и наоборот. Дело в том, что если мы хотя бы на мгновение допустим, что к вымиранию того или иного вида животных приводят не только и не столько физические факторы – наличие еды, воды, воздуха, – но и некие психологические факторы, то мы вынуждены будем пересмотреть всю концепцию эволюции.

– И в чем проблема?

– В чем?

– Да, – не останавливался Пит. – В чем проблема?

– В том, что придется переписывать всю историю возникновения человечества, а нам этого никто не позволит.

– Я понимаю, Джон, что нам придется усиленно поработать над представлением результатов нашего эксперимента, потому что в сыром виде… – Пит запнулся. – Потому что в сыром виде они представляют из себя предпосылки судного дня. Но это не повод для нас – тебя, меня и даже Джейн – молча мысленно признать, что мы что-то не понимаем в развитии крысиной цивилизации и эти самые цивилизации устроены намного сложнее, чем нам того хотелось бы.

Пит вздернул руки и отошел от одного вольера к другому. Здесь жизнерадостно копошились «новые» крысы попытки номер тринадцать.

– Вот! – Пит указал на крыс внизу в вольере. – Вот! Они ничего не знают и не предполагают и поэтому спокойно строят свои маленькие жизни.

Пит подошел к другому вольеру, взобрался на лавочку и начал наблюдать за животными. Пит Бредсон был неофициальным ассистентом Джона вот уже в течение трех лет. Не то чтобы он не смог бы стать официальным помощником, просто в его научной работе эксперименты с животными не принимались всерьез, если они не были санкционированы высшими инстанциями. Поэтому Пит помогал Джону неофициально из двух соображений: во-первых, это было занятно, особенно тот факт, что в каждом следующем эксперименте ученые приходили к странным и местами ужасающим выводам, а во-вторых, эти эксперименты позволяли ему переосмысливать работу с людьми. Люди – они такие, актеры по жизни и сценаристы поневоле. Что-то принимают, а что-то только делают вид, что принимают. Поэтому чистота эксперимента с людьми всегда вызывает массу нареканий. А тут чистота эксперимента была безусловной, а выводы напрашивались весьма и весьма интересные. По всему выходило, что человечество, если проводить параллель с уже проведенными экспериментами, уничтожит себя само. Занятно.

В целом Питу нужна была база данных для своей научной работы. Ему нужны были отчеты, графики, статистические выкладки. Он был психологом, получившим своего бакалавра в каком-то захудалом провинциальном колледже, но теперь поступившим в магистратуру на психологический факультет престижного университета, и поэтому из кожи вон лез, чтобы защититься и получить своего магистра. В работе с Джоном он вывел и пытался обосновать свою теорию «влияния коллективного бессознательного на сознательные процессы отдельного индивида». Другими словами, если перефразировать заумные термины и перевести их на удобоваримый язык, то Пит изучал влияние культурных традиций на развитие личности, а также влияние общественных норм на принятие решений отдельными индивидами. То есть насколько наша среда влияет на нашу субъективную оценку реальности и процесс принятия решений. Только и всего. Но зато как звучит!

И не звучит. И непонятно, почему крысы, которые не строят культовых сооружений и не собираются на митинги и собрания (хотя смотря что под этим подразумевать), имеют возможность оказывать влияние на принятие решений у членов своего крысиного сообщества. То есть как они это делают? На основе чего?

– Джон, тебе не кажется, что в который раз мы что-то упускаем из вида? – с умным видом спросил Пит.

– Кажется, – буркнул Джон. – Если бы я знал, что мы упускаем из вида, мы бы этого не упускали, не находишь?

– М-да, это ты верно говоришь…

– Вот смотри, – Джон указал на крыс в новом вольере, – вот эти… Они спокойны и уверены в себе. А те, что в том вольере, нервозны и запуганы. Я бы даже сказал – истеричны. А ведь и там и тут примерно одинаковое количество крыс, одинаковое количество еды, питья и всего остального. Объясни мне…

– Что?

– Я не нахожу логического объяснения тому, как так получается… – Джон споткнулся, спустился с лавки, сел на стул и задумался.

– Джон…

– Да, Пит, я слышу, – отозвался Джон. – Понимаешь, ситуация приобретает абсурдный характер в некотором смысле. Прямо сейчас у нас два вольера… Вообще-то, вольеров три, но я не говорю про вымирающий. Я говорю про отсаженных… Так вот, в обоих примерно одинаковое количество крыс и всего остального. Но только в одном вольере животные спокойны, гнездятся и собираются размножаться, а в другом нервны, беспокойны и не собираются даже спариваться. И в который раз я не вижу прямой зависимости между условиями и развитием

событий. То есть, другими словами, мы, я то есть, не можем точно определить фактор или факторы, безусловно влияющие на процесс размножения и развития популяции мелких домашних грызунов. Всякое логическое объяснение сталкивается с неразрешимым конфликтом, который заключается в том, что, с одной стороны, грызуны не могут передавать информацию из поколения в поколение, однако эксперимент показывает, что именно это и происходит.

– Ну… – протянул Пит, – крыс не одинаковое количество в вольерах, но скоро будет приближаться к тому.

– Хм-м, – раздраженно откашлялся Джон.

– Но, возможно… – рассуждал будущий психолог. – Возможно, это не является краеугольным камнем.

– Условия…

– Нет, иерархия, – уверенно добавил Пит. – Иерархия как катализатор развития и сдерживающий элемент. То есть до какого-то момента иерархия – это прогресс, а после некоего переломного момента – это сдерживающий фактор, который начинает процесс разрушения популяции через разрушение социума…

Попытка номер двенадцать была на грани вырождения популяции. Джон отобрал десять здоровых особей и пересадил их в другой вольер, предоставив им первоначальные условия: вода, еда, сено-солома, пустой вольер. Но крысы в буквальном смысле разбежались по углам и, привставая на задние лапки, внюхивались и вслушивались в окружающее их пространство. Но даже убедившись в том, что опасности нет, они не спешили навстречу соплеменникам. Наоборот, они разбегались как можно дальше друг от друга, чтобы никак не пересекаться на жизненном пространстве.

Джон в замешательстве наблюдал за таким поведением в двенадцатый раз, и в двенадцатый раз он не понимал, что происходило с его крысками.

– Понимаешь, Пит, у меня полное впечатление, что они способны помнить и передавать не только опыт своей жизни, но и предыдущий опыт предков.

– Почему бы и нет! – удивился Пит.

– Почему бы и нет? – удивился Джон. – Потому что это грызуны. Пусть и высокосоциализированные животные, но все-таки животные, понимаешь?

– Понимаю.

– Если мы предположим, что животные способны каким-то образом передавать информацию из поколения в поколение, знаешь, куда мы придем?

– Нет, не знаю… Хотя погоди, нам придется отказаться от мяса насовсем, потому что есть высокосоциализированных животных, у которых есть самосознание, будет верхом кощунства.

– Да я не об этом, – Джон задумался, – хотя и об этом тоже. Однако представляешь, если муравьи понимают, кто они, что они, зачем они, что они делают. А мы считаем, что их организация строго рефлекторна…

– М-да… – задумчиво произнес Пит. – А наше собственное поведение тоже во многом рефлекторно.

Джон и Пит стояли у вольера со спасенными крысами и удивленно таращились на них так, словно видели их в первый раз. Крысы разбрелись по разным углам и стали устраиваться поспать.

Два вольера, расположенные практически впритык друг к другу, содержали примерно равное количество грызунов, а также еды, воды и всего остального. И в одном вольере жизнь бурлила, крыски осваивались и обустраивались, и их деятельность сопровождалась непринужденным шумом: возней, шуршанием, писками. А в другом вольере жизнь словно бы застыла. Крысы, хотя и продолжали жить, словно боялись произвести лишние телодвижения, воспроизвести лишний звук, лишний раз выйти из своего укрытия. Ни тем, ни другим крысам ничего

не угрожало, и по факту они находились абсолютно в одинаковых условиях, но их поведение разнилось кардинально.

Гипотеза о том, что если восстановить первоначальные условия для крыс из уже разрушенной крысиной цивилизации, то крысы начнут развитие новой популяции, разбивалась вдребезги. Крысы из вымирающего вольера продолжали придерживаться модели выработанного в прежней колонии поведения даже при условии исчезновения условных угроз в виде агрессивных сородичей и покосившегося социума. То есть опасности нет, давления крысиной иерархии нет, наличие еды-воды-места сохраняется, но крысы не возвращаются в первоначальное состояние и не продолжают развитие популяции. Для того чтобы крысы начали размножаться заново, надо было взять «новых» крыс из лаборатории и посадить их в новый вольер. С новыми-старыми условиями, чтобы на выходе получить уже известный результат. И это вносило еще большую неразбериху в течение эксперимента, потому что, по идее, ожидаемый результат можно было получить от крыс, которые уже однажды прожили цивилизационный процесс, а не от новых крыс. Но все выходило ровно наоборот: старые крысы не размножались, а новые приходили к уже известному результату.

Получалось, что оставшиеся в живых крысы не способны были создать или воссоздать угасшую крысиную цивилизацию. Да в целом и не стремились к этому. Зато они сохраняли и продолжали придерживаться однажды созданной иерархической конструкции крысиного общества. Причем придерживались этой конструкции так ясно, что крысы-самки, выросшие в спартанских условиях в предыдущей среде, готовы были уморить себя голодом, лишь бы не спариваться с присутствующими в новом вольере самцами. Логика в таком поведении не просматривалась вообще, потому что если следовать академической доктрине, то все живые существа стремятся к размножению безусловно, так сказать, на рефлекторном уровне. А этого не происходило. Этого не происходило вот уже двенадцать раз, и маленькие цивилизации крыс вымирали.

Глава 6.
Царская почта

Вернулся Борис Алексеевич в Алтайский край случайно.

Командировка была в края здешние по линии партии в конце пятидесятых. Надо было с соседями отношения как-то выстраивать, как-то налаживать прерванное было сообщение. А тут с одной стороны люди со своими обычаями, с другой – со своими традициями, с третьей – дикие какие-то, неконтактные. А ты, Борис, поди и разберись. Сделай так, чтобы железную дорогу тут проложить можно было. То есть дорога-то была, только уж очень старая, и надо было ее ремонтировать, реконструировать, а для этого надо было построить временные поселения для рабочих, коммуникации проложить, транспортное сообщение, так сказать. В общем, это как с нуля город в пустыне возвести. Даром что не пустыня, а ничего же нет из того, что надо для обширных инженерно-строительных работ.

Так в начале 1959-го, ровно сорок лет спустя с того момента, как он уехал с отцовского хутора, снова попал он в Горстан в тридцати километрах от поселка Усть-Кам, где когда-то была узловая станция. Только перенесли ее лет тридцать назад много северней из-за ландшафта да близости к границе и назвали Горстан. А теперь восстанавливать решили и тут и там, чтобы ближе к границе было.

Ну, решили так решили.

Работы было много. Людей тоже. Всю зиму и начало весны Борис Алексеевич даже и не думал поехать и поискать отчий дом. А вот с наступлением мая, когда большая часть снегов сошла, захотелось ему во что бы то ни стало увидеть то место, где он родился. Да могилкам поклониться. Нет ведь у него на свете никого, кроме тех трех могил, что затеряны где-то в лесной глуши в предгорьях Алтая.

Всю зиму в свободное время ходил он по окрестностям и вспоминал детство, отрочество и юность. И накатывалась на него такая тоска страшная, что хоть садись в сугроб и начинай рыдать. Только он не рыдал. Как человек очень взрослый, прошедший огонь и воду, он понимал, что это детские чувства всколыхнулись в нем. Что он долго жил, притупляя, отодвигая на задний план чувство одиночества и человеческой невостребованности. Рядом с ним начиная с 1919 года не было никого из его прошлой жизни. Абсолютно никого, кто бы мог с ним поговорить так, как это было в его детстве и отрочестве.

А тут он вернулся в родные края, и все то, что дремало где-то на дне его выхолощенной души, всколыхнулось и вырвалось наружу. Борис Алексеевич, приезжая каждый раз в Усть-Кам, заходил в почтовое отделение. Оно осталось еще с царских времен: каменное основание, на котором восседал деревянный сруб. Так надежней: камни придавали устойчивость конструкции, а деревянный сруб был теплым. Теперь-то к этому старому зданию пристроили еще деревянный придел с отдельным входом и большими окнами. И уже тут теперь выдавали почту, собирали письма и посылки, продавали газеты и брошюры. А Борису Алексеевичу очень хотелось попасть в старое здание, и как-то раз под каким-то совершенно пустячным предлогом он туда попал. И там, в этом старом помещении еще царской почты, все было так же: длинный прилавок и много шкафов. Только теперь двуглавые орлы были закрашены темно-бордовой краской, а портреты царей в рамках сняты со стен и вместо них виднелись неизбранные новые вожди.

Борис Алексеевич огляделся, тяжело вздохнул и быстро вышел. Ему на мгновение показалось, что он снова стоял в том помещении с отцом, который получал письмо и покупал газету. Отец разговаривал с почтальоном о том, что стало все совсем не так, как раньше было. Что поездов ходит меньше, продуктов привозят меньше, только людей все больше. И люди-то какие

странные, некоторые даже по-нашему совсем не говорят. «Чой-то будет?» – качал головой почтальон, и отец соглашался.

Так при каждом удобном случае останавливался Борис Алексеевич около старой почты и, даже не заходя внутрь, размышлял о том, что не зря его сюда послали на старости лет. Ведь ему уже почти шестьдесят. Ощущение глубокой душевной привязанности и причастности к этому месту, случайно возникшее в его душе, не отпускало. Ему все больше и больше хотелось найти свой дом, хотя бы постоять там какое-то время у могил. Помолиться. Он понимал, что ему это вдруг стало жизненно необходимо, и потому как-то в конце марта поделился он своей мыслью с сослуживцем.

– Как думаешь, Николай Петрович, смогу я отлучиться ненадолго в горы? – Николай Петрович был не то геодезистом, не то инженером, и был он направлен вместе с Борисом Алексеевичем в эти места для решения сложных задач постройки железной дороги.

Николай Петрович Камышев был лет на пятнадцать помоложе Бориса Алексеевича, но уже видным и глубокоуважаемым человеком. Он был выше ростом и крепче телосложением, чем Борис Алексеевич, а также отличался завидным здоровым аппетитом, что прекрасно отражалось на его фигуре. Лысоват, гладко выбрит, с одутловатыми щеками, высоким лбом, красным носом картошкой и толстыми пальцами, торчащими в разные стороны, когда он ими размахивал в разговоре. А с Борисом Алексеевичем он хоть и сдружился и был на «ты», а все равно обращался к нему по имени-отчеству. Хотя Борис Алексеевич часто величал его просто Николай. А Николай Петрович, словно чувствуя какое-то скрытое царское воспитание в суховатом чиновнике министерства, принимал его обращение к себе с безусловным почтением.

Умение быть, а не казаться – это сложное искусство. А в запутанном мире – практически невозможное. И все-таки Борису Алексеевичу Гурину удавалась оставаться собой и не сбиваться с такта внутренней настройки. Это такое едва уловимое состояние, когда смотришь на человека впервые, но сразу понимаешь, откуда он, кто он и что он. Понимаешь, что за этим человеком стоит целая эпоха. Это военная выправка, стержнем засевшая в слегка ссутуленном, прихрамывающем теле. Это размеренная спокойность и умение держать себя в руках в любой ситуации. Это абсолютная вежливость без чванливости и открытость без фамильярности. Это чувство собственного достоинства без надменности, всегда оставляющее дверь приоткрытой даже там и тогда, когда это, казалось, было совершенно неуместным. Это безусловное уважение ко всем и ко всему, продиктованное уважением к самому себе в первую очередь. Это способность быть и оставаться человеком всегда, даже в самых невыгодных условиях и ситуациях.

– В горы? Что ты там делать будешь? – удивленно поинтересовался Николай Петрович. Он был абсолютно не готов к такому разговору.

– Искать буду. Прошлое искать, – вздохнул Борис Алексеевич.

– Как это?

– Видишь ли, родился я тут недалеко от полустанка Усть-Кам. Ну, как недалеко… Километров двадцать на запад, да в горы, через ущелье. Там еще к югу монастырь типа скита старый был.

– А что ты искать-то хочешь? – Николай Петрович раскрыл карту. – Как место-то называется?

– Да не найдешь ты мое место на карте, – рассмеялся Борис Алексеевич.

– Это почему?

– Потому что это всего лишь хутор в горах с куском земли по склону. Только теперь я даже и представить не могу, как я это найду. Что я там могу найти, и вообще, найду ли я хоть что-нибудь…

– Место-то как называется?

– Ручьи.

– Как?

– Раньше называлось место наше хутор Ручьи. Только сколько я помню свою жизнь там, к нам никогда ничего не приходило на адрес. Всегда в Усть-Кам ходили, чтобы почту получить, да новости послушать, да газеты купить. Понимаешь?

– М-да…

– Нет адреса. Я тебе могу пальцем на карте ткнуть, где, я примерно понимаю, хутор стоит.

– Ну, ткни, – Николай Петрович выпрямился от карты и взмахнул руками, растопырив толстые пальцы.

– Да и то неточно будет, потому как я сам толком не знаю, где оно на карте-то. Я туда пешком ходил от станции, по дороге, по тропинке, по тем приметам, что были нами же и созданы.

– Так, а теперь?

– А теперь… Теперь и не знаю, найду ли я дорогу домой на ощупь. Я так давно там не был.

– Сколько?

– Да, пожалуй, с 1919 года я там и не был. Не приходилось как-то. Ровно сорок лет.

Посмотрели они на карту, поохали, повздыхали да решили, что поедут туда в начале лета, чтобы дороги хоть чуть-чуть подсохли. Хотя какие дороги. Нет в то место никаких дорог. Уже, наверное, и колеи нет. И если никто долго не жил там, то всякая условная дорога заросла и поглотилась природой.

В некотором смысле этот поход представлял собой хорошо организованную авантюру. Два высокопоставленных сотрудника из столичного министерства собрались идти в горы Алтая. Одни. Без проводника и подмоги.

Дело пахло керосином.

– Куда ты туда собрался, Борис Алексеевич? Там же ни дороги, ни просеки. А ты еще и направление точно сказать не можешь, – отговаривал Николай Петрович.

– Надо, Николай, мне надо туда. Там могилки мои…

Борис Алексеевич за время раздумий над этим предприятием твердо решил, что надо ему во что бы то ни стало посетить отчий дом. Ну, или хотя бы попытаться отыскать его в лесу.

– Так как ты туда собрался? На чем?

– Ну, до станции на подводе или машине какой. А оттуда… – Борис Алексеевич задумался, потому что даже представить не мог, на чем дальше можно будет добраться. – А оттуда на чем придется. Может, и на своих ногах придется преодолеть последние двадцать километров.

– Сколько? – Николай Петрович замер.

– Двадцать. Да, может, и не двадцать, там по прямой каких-то десять-двенадцать километров. Может, меньше, но это же по прямой. А там нет ничего прямого. Там по ущелью влево, потом наверх… Когда-то там была насыпная дорога. Но это было полвека назад. И если сейчас в ту сторону никто не ездил, то нет там ничего. Понимаешь, просто нет ничего. Поэтому, скорее всего, придется идти пешком.

– Да мы за двое суток не обернемся. Нет, никак не обернемся. И нас хватятся. Скажут, что мы за границу решили уйти, – продолжал абсолютно здраво рассуждать Николай Петрович.

– Давай так. Подумаем, как туда добраться, а начальство я возьму на себя.

– То есть хочешь сказать, что отпустят?

– Отпустят…

– То есть и отсюда выпустят, – продолжал Николай Петрович с подозрением, – и, что самое важное, потом обратно впустят и не обвинят в какой-нибудь несусветице?

– Ну пойми ты, Коля. Никто ни за что ручаться не может. Только вот я теперь точно знаю, что не зря меня сюда судьба занесла. Мне обязательно надо до дому дойти, понимаешь?

– Угу… – понимающе кивал Николай.

– А ты если не хочешь, то можешь и не ехать со мной. Тебе действительно не с руки со мной туда тащиться. Да и дома у тебя жена с сыном остались.

– Ну, остались…

– О них надо сейчас подумать. До того, как отправимся в горы.

– А как ты один-то пойдешь?

– Ну, не знаю…

– Не знаешь… – шепотом процедил Николай Петрович. – Не знаешь… А кто знает?

– А тебе надо подумать, как ты со мной собрался. Дело-то не только в том, что это поход опасный в смысле ландшафта. Так ведь потом и обвинить могут в чем-нибудь… Сам знаешь. Не маленький.

– Ну, знаю. Но как я тебя туда одного отпущу.

– А ты знаешь, – задумчиво произнес Борис Алексеевич, откинувшись на спинку стула, – я ведь раньше, когда еще в начальную школу ходил в поселок, что южнее Усть-Кама, никогда не боялся один ходить туда-сюда. А мне тогда восемь лет было. Поселок был в долине вдоль реки, промысловики какие-то там жили. То ли камни искали, то ли золото, то ли и то и другое, но жили они там долго. Пришли туда, еще когда я маленький был, и были там до той поры, пока новая власть их не разогнала. Собственно, весь поселок был из десятка домов вдоль поймы реки, причем на противоположном от нас берегу, так что мне приходилось переходить реку ниже по течению, где был мосток из бревен через узкое, но бурное место, а потом подниматься вверх, к школе.

– Ты и вправду тут вырос, да? – удивленно бормотал Николай Петрович.

– Да, правда, – продолжал Борис Алексеевич. – А школа-то та была всего лишь плохо отапливаемым срубом. И ходили туда дети промысловиков да еще парочка таких, как я, горемык с той стороны ущелья. Все классы в одном. Это потом, когда я в училище поступил в Байске, так там и жил при училище. А тут сам ходил в школу. Каждый день ножками до ущелья, до переправы, до поселка и обратно. Так что, поди, найду как-нибудь дорогу. Ноги вспомнят. Бог доведет.

– Ладно, отпроси нас на разведывательную экспедицию, что ли? – после небольшой паузы продолжил Николай Петрович. – Придумай, зачем и почему нам туда надо. Глядишь, отпустят, да еще дадут с собой лошадь или бойца какого.

– Ты и вправду, Коля, решил идти со мной?

– Да. Решил.

– Эх…

– Куда я тебя одного отправлю.

В начале лета 1959 года отправились двое весьма почтенных сотрудника столичного министерства в сторону станции Усть-Кам, а оттуда дальше на восток. Целью было найти затерянное в алтайском предгорье место, где когда-то родился и вырос Борис Алексеевич Гурин. Хутор, значит, найти. И по возможности посетить могилы усопших предков.

Встали до зари. Собрались быстро и по темноте, по ночной росе вышли из поселения и направились в сторону станции Усть-Кам. В предгорьях Алтая в самом начале лета, да и в середине тоже, днем было нестерпимо жарко, температура доходила до плюс тридцати пяти в тени. И если не было ветра, а такое случалось, когда воздух словно останавливался между двух или трех холмов, зной становился нестерпимым. Людей, лошадей, тех, кто работал на солнцепеке, отправляли в тень, потому как случалось, что не выдерживали живые существа такого пекла и испускали дух.

Потом, когда солнце скатывалось со своего зенита, люди снова выходили на работы. Лошадей гнали на водопой, а потом снова впрягали в тяги, и работа продолжалась до позднего вечера, пока темень не становилась совсем непроглядной. И поскольку с ночным освещением рабочего поселка, самой рабочей площадки и прочего было негусто, работы прекращались до следующего дня.

С наступлением ночи же температура падала до плюс двенадцати, что иногда вызывало переохлаждение у людей. И не потому, что плюс двенадцать – это очень холодно, а потому, что тело только что испытало шок от сорокоградусной жары, а тут его словно в прорубь опустили. Бывало так холодно, что человек, вышедший по нужде, вдруг обнаруживал, что у него пар изо рта идет, как на морозе.

А еще туман ложился такой густой, что, казалось, с крыльца надо было словно в молоко спуститься. Потому даже летом в бараках подтапливали ночью, чтобы люди элементарно не заболели. Топили, конечно, чем попало, но и на том спасибо. Зато с утра всегда чай горячий был, что само по себе было приятным явлением в свете общей бытовой неустроенности рабочего люда.

Значит, выдвинулись Борис Алексеевич Гурин и Николай Петрович Камышев на разведывательную экспедицию к западу от бывшей железнодорожной станции. До станции Усть-Кам добрались быстро, с ветерком почти, на машине, предоставленной грозным начальством со словами:

– Давайте, разведайте, что там у нас с той стороны. Да сами не уйдите случайно в чужие края. Там, в горах да в лесу, границ не размечено. Понимаете ответственность?

– Понимаем, понимаем, поди, не маленькие, – отшучивался Борис Алексеевич.

– Ну, с богом, что ли.

– Так ведь Бога-то нет? – с ухмылкой спросил Борис Алексеевич.

– Как нет? – опешил начальник.

– Так это, отменили его, Бога-то, еще полвека назад. Чай, не слышали? – продолжал Борис Алексеевич.

Николай Петрович, стоявший за его спиной, лихо разнервничался, покрылся испариной и закачался, словно собираясь упасть в обморок.

– Бога-то сюда зачем приплетать было надо? Не ровен час, подумают что-нибудь ненужное, – сквозь зубы процедил Николай Петрович абсолютно спокойному Борису Алексеевичу.

– Да не боись ты, Николай, – как-то очень уверенно сказал Борис Алексеевич. – Дело такое, если мне суждено до моих могил добраться, то меня ничего не остановит, а если не суждено, то что бы я ни делал – не доберусь.

– Откуда такая уверенность?

– На все воля Божья… – со вздохом ответил тот.

А между тем начальство еще и солдатика предоставило лет семнадцати от роду, чтобы он помог в горах вещи нести. Солдатик этот, по имени Петр, был хрупким таким созданием, с тонкой шеей и огромными голубыми глазами. Все, что могло пригодиться, нужно было нести на себе. Это поход такой, в горы, на выживание. А помощника выдали, прямо надо сказать, такого, что его самого впору было нести. Ну, да что есть. В Усть-Каме лошадь дали, потому что поход может оказаться незапланированно длинный. Вот таким составом из четырех живых существ – Борис, Николай, солдатик Петя и лошадь – часов в девять утра по местному времени выдвинулись в ущелье в западном направлении от станции Усть-Кам.

Вышли пешком из Усть-Кама и долго шли по карте. То есть это Николай Петрович шел по карте позади Бориса Алексеевича, а позади них брел солдатик с груженой лошадью. А сам Борис Алексеевич шел на ощупь, то есть по своим каким-то, одному ему понятным, воспоминаниям. Скорее всего, ноги сами несли его в нужном направлении.

К полудню стало припекать нещадно, и вся экспедиция при первой же возможности спрятаться в тень именно так и поступила. Солнце стояло высоко, и тени от любых предметов были короткие. Однако на небольшом участке был густой и очень старый лес. Деревья росли достаточно плотно прижавшись друг к другу. Огромные ели создавали сумрак и прохладу в подлесье. Сюда-то, на хвойный ковер, и спряталась экспедиция. В расщелине между камней бежал

ручей. Горный ручей – чистый как слеза, и от него пахло озоном и грозой, хотя грозы и не намечалось.

Лошадь стреножили. Сами разлеглись на хвое.

– А куда мы идем? – спросил солдатик.

– А не все ли тебе равно? – грубовато ответил Николай Петрович.

– Ну… – замялся солдатик и затих.

– Мы идем искать одно потерянное место, – задумчиво произнес Борис Алексеевич.

– Какое? – солдатик вспыхнул любопытством.

– Это такое волшебное место, где когда-то началась жизнь, – без тени сомнения продолжил Борис Алексеевич.

– Ой, это как?

– Петя, мы идем исследовать северный склон к западу от ущелья на предмет наличия там людей или поселений, – отчеканил Николай Петрович.

– Ну и по ходу нашей экспедиции поискать место моего рождения, – подытожил Борис Алексеевич.

– А-а-а, – словно понимая, но при этом ничегошеньки не понимая, произнес солдатик Петя.

– А знаешь, Николай Петрович, вот ведь какая штука, – медленно и очень задумчиво продолжил Борис Алексеевич. – Вот ведь какая штука. Меня всю жизнь носило по западной части земли нашей да по заграницам. И работал то в одной столице, то в другой, то в столице за границей. И с министерством переезжал то в одно здание, то в другое, то эвакуировали…

– Мн-н-н… – подал голос Николай Петрович. – У тебя квалификация такая – незаменимая.

– Это да, конечно, – с усмешкой согласился Борис Алексеевич. – Но ведь вот какая штука: по всей стране ездил, а сюда не заносило.

– Представляю. Я тут вообще никогда не бывал, и если бы не ты, то никогда бы и не поехал сюда.

– Так вот. В этот раз словно все складывалось каким-то удивительным образом. Понимаешь?

– Не очень, но продолжай.

– Словно что-то предопределило, куда и зачем я должен поехать.

Борис Алексеевич замолчал и заложил руки за голову, поправив на голове платок и шляпу с сеткой.

– Меня должны были направить на запад, к соседям, но в последний момент что-то у них там не срослось и никто не поехал. А мне сказали, что здесь позарез нужен человек, понимающий в делах строительных и умеющий вести переговоры со сложными людьми.

– Я же говорю, ты незаменим в своем роде.

– Угу, и, видимо, никто в министерстве не удосужился почитать мое досье, что я отсюда родом.

– Так у тебя в паспорте стоит место рождения – столица.

– Верно. А в досье место рождения – Алтай, станция Усть-Кам, тысяча девятисотый год. Представляешь?

– Нет, не представляю. – Потом, немного помолчав, Николай Петрович переспросил: – Какой год?

– Тысяча девятисотый, – повторил Борис Алексеевич.

– Так это… – Николай Петрович замялся. – Ты уже должен на покой заслуженный выходить.

– Ну, должен… Но, видимо, никто никому ничего не должен.

Где-то высоко в кронах елей палило полуденное солнце, а метров двадцать вниз, на подстилке из хвои и солдатских шерстяных одеял, отдыхали трое. Они направлялись в неизвестном направлении в горы. Экспедиция из разряда «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что», потому как что ждало этих троих уже на первом подъеме, никто не знал.

Отдохнув и напившись воды, двинулись трое и лошадь дальше. Только дальше дороги не было ни на карте, ни на ландшафте.

– Давайте чуть вправо и вверх возьмем, – предложил Борис Алексеевич.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Николай Петрович. – Неужели вспоминаешь дорогу?

– Нет, головой я ее не вспоминаю. Ноги вспоминают.

– Ой, ладно…

– Да, знаешь, у нас ведь память не только в голове находится, да и разум тоже не только в голове, но и в теле.

– Борис Алексеевич, я, конечно, понимаю, что когда моя мать меня отроком спрашивала, чем думал, когда делал то-то и то-то – ну, шкодил я тогда, – она подразумевала, что я ничем не думал, а не то, что я думал какой-то другой частью тела. Например, той, на которой сижу обычно… – с иронией разъяснял Николай Петрович. – Так что да, по мысли моей матери, думать можно чем угодно.

– Зря ерничаешь. Думаем мы не только головой. В голове у нас мозг с мыслями, а в груди – сердце с чувствами, в животе – кишки с предощущениями. Знаешь, это когда говорят, вот чувствую, что будет так-то и так-то, хотя никаких логических предпосылок на то нет. А потом все происходит именно так, как предчувствовалось, вопреки всякой логике, которую человек выстроил в своей голове. Вот и спрашивается: чем мы думаем?

– Ну… чуйка?

– Чуйка, – подтвердил Борис Алексеевич. – Почему-то я в октябре прошлого года сразу понял, что не поеду на то изначальное задание, а поеду домой…

– Домой?

– Ну да… Сюда поеду. Домой то есть.

Дальше, уже по темноте, вышли примерно в то место, где должен был располагаться хутор. Заночевали у костра, а наутро обнаружили место, где хутор действительно был. Только место это почти поглотила и переварила тайга – так, словно и не было здесь никогда человека.

Глава 7.
Хаос и возня

Двенадцатая попытка плавно и запланированно сходила на нет. Теперь, после того как Джон отсадил десять наиболее здоровых крыс в отдельный вольер, в прежнем вольере оставалось все еще достаточно особей для возрождения популяции, но крысы не интересовались друг другом совершенно. Они не интересовались едой и водой и по большей части проводили свое время в одиночестве. В некоем коллективном одиночестве. Крысы собирались в пустых ячейках, установленных по периметру вольера, по две-три особи в одной ячейки, но при этом разворачивались спиной друг к другу и, утыкаясь в собственные передние лапки или деревянные панели, подолгу сидели так, не шевелясь.

Крысы буквально существовали на полочках разного уровня целыми кучками, но при этом не контактировали друг с другом. Одни превращались в комочки шерсти, другие продолжали усиленно начищать свои шкурки. И все по отдельности и по очереди время от времени украдкой утоляли голод и жажду. Украдкой… Не вступая при этом ни в какие баталии за доступ к корму, и если им отказывали у одной кормушки, они перебегали к другой, даже не пытаясь постоять за себя.

Это действительно было похоже на массовый психоз или, еще хуже, на коллективную депрессию. Жизнь есть, биологическая жизнь есть, но жизни как таковой уже нет, хотя по всем объективным показателям она была еще совсем недавно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.